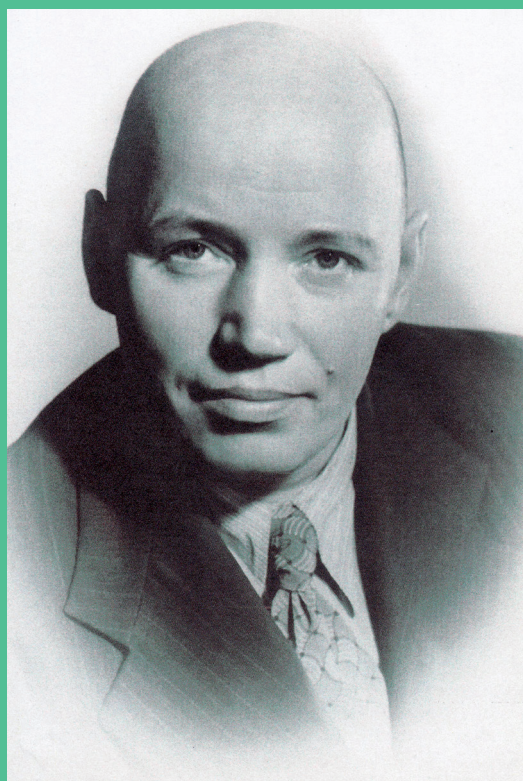

ISSN: 2500-0837

ТЕОРИЯ государства и права

2016

октябрь -
декабрь

№ 4

Москва

Россия

2016 / № 4

**ТЕОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Научный журнал основан в 2016 г.

2016 / № 4

**THEORY
OF STATE AND LAW**

The academic journal is established in 2016

13-14 октября 2016 года в АНОВО «Международный университет в Москве» прошла Международная научно-теоретическая конференция «Государство, право, демократия в современном мире» посвященная 110-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, доктора юридических наук, профессора **Андрея Ивановича Денисова.**

Диапазон творческих интересов А.И. Денисова весьма широк и охватывает ряд смежных направлений государственно-правовых наук. Им опубликовано свыше 70 книг и брошюр и более 150 статей и рецензий по проблемам советского государственного права, теории государства и права, истории политических и правовых учений. Его работы внесли неоспоримый вклад в развитие марксистско-ленинской советской теории государства и права, в частности, в учение о Советском государстве, политической системе и социалистической демократии.

Под руководством и при непосредственном участии А.И. Денисова коллектив кафедры теории государства и права юридического факультета МГУ подготовил и опубликовал учебники по теории государства и права (1967, 1972, 1980), истории политических учений (1978). Многие из работ А.И. Денисова переведены и опубликованы за рубежом.

А.И. Денисов активно участвовал в разработке проекта Конституции СССР 1977 г., а также в подготовке проектов Основ гражданского и уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, проектов ряда других законодательных актов.

Весомый вклад А.И. Денисов внес в подготовку кадров высшей школы. Под его научным руководством подготовили и защитили диссертации десятки аспирантов, многие из них затем стали докторами наук и известными учеными (А.И. Лукьянов, В.Е. Гулиев, В.Д. Попков, В.В. Лазарев, М.Н. Марченко, С.А. Комаров, А.Г. Хабибулин, К.Д. Лубенченко, А.А. Кененов и др.). Свои глубокие знания и огромный опыт А.И. Денисов щедро отдавал студенческой молодежи.

Конференция памяти А.И. Денисова была организована Межрегиональной ассоциацией теоретиков государства и права, Юридическим институтом (Санкт-Петербург), кафедрой теории и истории государства и права Международного университета в Москве, редакционной коллегией журналов «Юридическая мысль» и «Теория государства и права».

В конференции приняли участие ученики профессора А.И. Денисова, продолжатели его научной школы и другие ученые-теоретики государства и права.

В данном номере журнала опубликованы научные статьи по материалам выступлений на конференции.

На обложке профессор А.И. Денисов

Содержание

		Стр.
Азнагулова Г.М.	Интерес как политико-правовое понятие в древней, средневековой философии и эпохи французского просвещения	8
Александрова Е.А.	Развитие института материнства и детства (дохристианская Русь – началоXVII в.)	14
Васильева И.О.	Тенденции развития современной правовой системы России	18
Галиев Ф.Х.	Правовая культура и правовое воздействие	24
Дроздова А.М.	Концептуальные особенности реализации и защиты прав ребенка в России и за рубежом	34
Жунусканов Т.Ж.	Государственное устройство как условие де бюрократизации системы конституционного законодательства: на примере Российской Федерации и Республики Казахстан	42
Комарова В.В.	Демократия в современной России: конституционно правовое закрепление	51
Притулин В.П.	Теоретико-правовая база государственной деятельности в сфере судебной защиты прав и свобод личности в современной России	59
Ревнов Б.А., Ревна М.Б.	Проблемы злоупотребления правом на судебную защиту при обращении в Конституционный Суд Российской Федерации	69
Романов А.А.	Этнизация правовой политики: ресурсы этничности в правовой политике государства	82

Теория государства и права

Главный редактор **Комаров Владимир Сергеевич**, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь редакции **Саматов Андрей Валерьевич** (г. Москва, Россия)

Редакционно-издательский совет:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор, (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Васильев Анатолий Васильевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Вороненков Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ельцов Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук, профессор (Республика Польша) (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Лукьянова Елена Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Мордовец Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Печникова Ольга Глебовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ревна Мария Борисовна, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Фролова Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Шамба Тарас Миронович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Якушев Александр Николаевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г. Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837

© Теория государства и права, 2016.

© Авторы, 2016.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/magazine>).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы.

Теория государства и права

Editor in chief **Komarov Vladimir Sergeyeovich**, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Executive secretary of the editorial board **Samatov Andrey Valeryevich** (Moscow, Russia)

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Ufa, Russia)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, professor (Ulyanovsk, Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Kholmna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Vasilyev Anatoly Vasilyevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Voronenkov Denis Nikolayevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, professor (Stavropol, Russia)

Eltsov Nikolay Sergeyeovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Kowalski Jerzy Sergey Cheslavovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Warszawa, Republic of Poland) (St. Petersburg)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, professor (Tolyatti, Russia)

Lukyanova Elena Gennadyevna, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan)

Mordovets Alexander Sergeyeovich, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Pechnikova Olga Glebovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Honorary worker of higher education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Frolova Natalya Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Shamba Taras Mironovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Theory of State and Law

Editorial board:

Belyanskaya Olga Viktorovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, professor (Ufa, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Yakushev Alexander Nikolaevich, Doctor of historical sciences, Candidate of legal sciences, Candidate of pedagogical sciences, professor

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016.

ISSN: 2500-0837

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2016.

© Authors, 2016.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Г.М.Азнагулова*

ИНТЕРЕС КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ В ДРЕВНЕЙ, СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ И ЭПОХИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются зарождение понятия «интерес» и основные направления его развития в политико-правовых и философских учениях античных и средневековых мыслителей, а также в трудах французских мыслителей эпохи Просвещения, которое прошло долгий эволюционный путь, породив различные интерпретации и концепции. Особое внимание в статье уделено воззрениям Платона, Аристотеля, Клода Адриана Гельвеция, Никколо Макиавелли и других мыслителей на роль интересов индивида, общества и государства в справедливом государственном устройстве. Проведенный анализ показывает, что интерес, имеющий по своему происхождению биосоциальную и нейропсихологическую природу, с содержательной стороны характеризуется нравственно-психологическими, эстетическими, биологическими, духовными, политическими, экономическими, правовыми и иными аспектами. Интерес не всегда является волевым императивом, но проявляется в отдельных случаях как движущая сила действий как индивида, так и государства и отражает многообразие форм и видов социального взаимодействия в триаде «индивид-общество-государство».*

***Ключевые слова:** юриспруденция, философия права, политико-правовая мысль, интерес, общественный интерес, государственный интерес, национальный интерес, государственная воля, общество, социальное взаимодействие.*

INTEREST AS APOLITICAL, LEGAL AND ETHICAL CONCEPTS IN THE ANCIENT, MEDIEVAL PHILOSOPHY AND THE ERA OF THE FRENCH ENLIGHTENMENT

***Summary.** The article deals with the emergence of the concept of "interest" and the main directions of its development in political, legal and philosophical teachings of ancient and medieval thinkers, as well as works of French thinkers of the Enlightenment, which has come a long evolutionary path, giving rise to different interpretations and concepts. Special attention is paid to the views of the author of Plato, Aristotle, Claude Adrian Helvetius and Niccolo Machiavelli and other interest on the role of the individual, society and state in a just polity. The analysis shows that the interest in having its origin biosocial and neuropsychological nature, with the content aspect is characterized by moral and psychological, aesthet-*

* *Азнагулова Гузель Мухаметовна* – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель директора Института права, доцент кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет». E-mail: agm09@mail.ru

Guzel M. Aznagulova – Deputy Director of the Institute of Law, Bashkir State University, doctor of legal Sciences, associate Professor.

ic, biological, spiritual, political, economic, legal and other aspects. Interest is not always will fulimperative, but it is manifested in some cases as a driving force for the actions of both the individual and the state, and reflects the diversity of forms and types of social inter actions in a triad "individual-society-state."

Keywords: *law, philosophy of law, political and legal thought, the interest, the public interest, the national interest, the state will, society, social interaction.*

Интерес как социально-исторический феномен тесно связан с длительным процессом эволюции человека и общества и отражает их многогранную диалектическую взаимосвязь. С появлением абстрактного мышления у Homo sapiens обогащалось содержание индивидуальных интересов человека, постепенно зарождались коллективные интересы, а возникновение частной собственности и государства породило общественные интересы, определив их социально-экономическую и политическую направленность.

Понятие интереса широко используется как в теоретико-познавательной деятельности человека, так и в его практической деятельности. Ввиду многообразия объектов познания имеют место различные частно-научные толкования понятия «интерес». Это еще раз подчеркивает тот факт, что понятия имеют социально-историческую обусловленность, их генезис охватывает века, заключая в себе в той или иной мере признаки должного и сущего, возможного и необходимого, постоянного и временного и т.п.

Отметим, что впервые, как нам представляется, понятие «интерес» затрагивает Платон (427-347 гг. до н.э.) в своем труде «О государстве». Хотя он не использует непосредственно понятие «интерес», но в своих рассуждениях о взаимоотношениях правителя и народа в идеальном государстве (они, безусловно, являются утопическими) выдвигает идеи о необходимом сочетании личных и государственных интересов. Наилучший государственный строй, по его мнению, реализуется «... в таком государстве, которое ближе всего по своему состоянию к отдельному человеку [1], а для этого необходимо, как он считает, наличие в государстве «хороших законов» [1].

Отдельные аспекты понятия «интерес» затрагиваются Аристотелем (384–322 гг. до н.э.) в его сочинении «Политика» [2]. Так, в главе четвертой пункте восьмом книги первой Аристотель касается вопроса защиты интереса гражданина. Он пишет: «Дионисий (тиран города Сиракузы. – Прим. авт.) издал приказ, в силу которого ...человеку (который получил большую выгоду от торговли. – Прим. авт.) решил увезти деньги с собой, а сам же он, однако, должен был оставить Сиракузы, так как он нашел источник доходов, который наносил ущерб интересам Дионисия» [2]. Обсуждая далее «правильное государственное устройство», Аристотель, по существу, касается вопроса личных, общественных и государственных интересов [3]. При этом он использует понятие «польза», трактуя его как «ценностное понятие, отражающее положительное значение предметов и явлений в их соотнесенности с интересами субъекта (индивидуального или коллективного)» [8].

Следует обратить внимание на следующее. Аристотель в своем труде «Политика» упоминает об одной из поучительных исторических приданий о Фалесе, родоначальнике античной и европейской философии и науки, основателе Милетской школы (625-547 гг. до н.э.) [12]. Когда Фалеса попрекали его бедностью из-за занятия

философией, он доказал, что деньги можно заработать и на маслобойнях в год хорошего урожая оливок. «Набрав таким образом много денег, Фалес доказал тем самым, что и философам при желании разбогатеть нетрудно, только не это дело составляет *предмет их интересов* (курсив авт.)» [12, с. 49]. В данном контексте Аристотель раскрывает отношение Фалеса к богатству, которое не имеет для последнего значения и не является целью его деятельности.

«Интерес» является понятием сложным и неоднозначным ввиду его многовещного характера, охватывающего совокупность разноплановых отношений в обществе как многоуровневой и многофакторной динамической системе. Определенное содержание данного понятия раскрывается уже в античные времена в его сочетании с понятием «польза». Представителем этого подхода был и знаменитый римский юрист, сторонник естественного права Домиций Ульпиан (170-228 гг.), в философско-этических воззрениях которого право (*jus*) неразрывно связано с понятием справедливости (*justitia*): *jus est autem a justitia appellatum*, а также *jus est ars boni et aequi*, т.е. «право есть гармония интересов и средство уложения их столкновений» [13]. Феномен интереса «*utilia*» предопределяет, по Ульпиану, деление права на частное и публичное, тяготеющее к верховенству государственных интересов [14].

На наш взгляд, проблема интереса как философского и политико-правового понятия впервые наиболее остро затронута в политической философии Никколо Макиавелли (1469-1527 гг.) [4]. Он жил и творил в период Раннего и Высокого Возрождения, когда царившие в Средние века теологические воззрения и власть церкви уступают место антропоцентризму в философской и политико-правовой мысли, а государство становится ведущим аппаратом управления обществом. В исторический период разрозненности Италии и потери ею самостоятельности, упадка религиозного сознания, с одной стороны, и развития естественных наук, медицины, искусств, книгопечатания [11] – с другой, возникает необходимость нового осмысления человеческого бытия, идеи родины и сильного независимого государства. Социально-историческая обусловленность политико-правовых взглядов Н.Макиавелли проявилась в независимости государства и государственной воли от морали, примата государственных интересов над интересами отдельных людей. Будучи сторонником сильной государственной власти, для достижения его конечных целей он допускал возможность использования любых средств, опираясь в политике только на силу, а не на мораль. Возвышая идею родины над идеей морали и закона, Н.Макиавелли говорил, что «коль скоро речь идет об интересах родины, не должно рассуждать, справедливо ли сие решение или не справедливо, милосердно или жестоко, похвально или зазорно; оставить в стороне следует всякие соображения и принять то решение, какое содействует спасению ее жизни и сохранению свободы» [4].

Рассуждая о нравственности, труде, любви, Н.Макиавелли в определенной степени различает государственные и негосударственные сферы жизнедеятельности общества. В развитие своей идеи сильного государства, он отмечает, что «страны, которые полностью свободны... весьма и весьма преуспевают... в таких странах богатства все время увеличиваются... каждый человек в этих странах приумножает и приобретает блага, которыми рассчитывает затем свободно пользоваться. Следствием этого оказывается то, что все граждане, соревнуясь друг с другом, заботятся как *о частном, так и об общественном интересах* (курсив автора) и что общее их благосостояние на диво растет» [4, с. 196]. Н. Макиавелли рассматривал государство как политическое состояние общества – отношение правителей и подчиненных, на-

личие организованной политической власти, учреждений и законов – и как высшее проявление человеческого духа [4, с. 114].

Следует подчеркнуть, что впоследствии циничные взгляды Н. Макиавелли были подвергнуты резкой критике, его книга «Государь» [4, с. 49-124] и другие сочинения в середине XVI века были включены в список запрещенных книг. В то же время исследователь политико-правового наследия Ф. Де Санктис справедливо замечает, что «Макиавелли, несмотря на сделки с совестью и шатания, свойственные политическому деятелю, начертал на обломках Средневековья контуры мира, каким он должен быть, – мира, основанного на идее родины, национальной независимости, свободы, равенства, мира мужественного, серьезного человека» [10].

Нет сомнения в том, что Н.Макиавелли внес весомый вклад в разработку понятия «интерес». Однако ошибочность его подхода состоит в абсолютизации человека и государства, влекущей за собой и абсолютизацию рассматриваемого понятия, в то время как понятия и категории философии и частных наук создаются веками и находят осмысление в конкретные исторические периоды сообразно с установившимися формами общественных отношений.

Существенный вклад в анализ сущности понятия «интерес» внесли французские просветители. Хотя в буржуазной философии XVIII века явственно присутствует просветительский утопизм при анализе сущности человека и общества, его представители сделали большой шаг к материалистическому пониманию процесса познания природы и общества. Одним из передовых философов, противников феодально-клерикального господства в обществе, был Д. Дидро (1713-1784 гг.) [15], идеи которого занимают особое место в развитии материалистического мировоззрения. Ему в известной степени удалось преодолеть субъективный сенсуализм Д. Локка, основываясь на особой роли опыта в познании действительности. Этическая концепция Д. Дидро, выдвинутая им в середине XVIII века, трактует мораль «очень широко, включая в ее сферу все ценностные ориентации личности, в том числе взгляды людей, которыми они руководствуются в социально-политической жизни» [16]. С точки зрения Д. Дидро личное благо является производным от общественного блага. Он считает, что стремление к частному благу становится порочным, «если только она вредит общим интересам» [17, с. 76]. Не противопоставляя личный интерес интересу общественному, он выдвигает тезис об их тесной взаимосвязи: «...личный интерес существа неразделим с общим интересом» [17, с. 111]. Д.Дидро рассматривал интерес как «нечто нужное или полезное для государства, для лица, для меня и т.п.» [9], соотносил понятия интереса «индивида, сословия, нации... «мой интерес», «интерес государства», «его интерес»...» [9] с личной, общественной и государственной пользой.

Один из выдающихся философов-материалистов XVII века П.А. Гольбах (1723-1789 гг.), подчеркивая ведущую роль личности в развитии общества, считал, что на формирование самой личности решающее влияние оказывает общественная среда, понимаемая им узко лишь как форма политического управления [5]. П.А. Гольбах, определяя понятие интереса как «объект, с которым каждый человек связывает – в зависимости от своего темперамента и своих идей – представление о своем счастье», толковал его в качестве побудительной силы человеческих поступков [5, с. 311]. «Интерес добродетельного человека состоит в том, чтобы заслужить своим поведением любовь и одобрение других людей и не сделать ничего такого, что могло бы унижить его в собственных глазах, – писал он, – ... интерес есть единственный мотив

человеческих действий» [5, с. 311]. В своих трудах П.А.Гольбах открыто поддерживал мысль К.А.Гельвеция о соотношении личных и общественных интересов, идею о детерминирующей роли последних [5, с. 530, 533, 534], выдвигал мысль о ведущей роли материальных интересов в общественном развитии, считая в то же время, что антагонизм во взглядах людей обусловлен не их невежеством, а непримиримыми противоречиями их интересов [5, с. 293]. В трудах П.А.Гольбаха выдвинуто важное положение о природе личного и общественного (государственного) интереса. Несмотря на то, что он не смог преодолеть идеологические взгляды на социальные явления, в своем труде «Основы всеобщей морали» [5] неоднократно отмечает, что интересы людей определяются их потребностями [5, с. 41, 97, 530, 389].

В своих философских работах К.А. Гельвеций (1715-1771 гг.) важное место отводил проблеме интереса. Он был глубоко убежден в том, что на всех этапах исторического развития общества личные и групповые интересы выступают регуляторами поведения людей. «Если физический мир подчинен закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса, – отмечал он, – на Земле интерес есть всемогущий волшебник, изменяющий в глазах всех существ вид всякого предмета» [7, с. 186-187]. По его мнению, «огромное разнообразие взглядов – есть результат личного интереса, взаимноизменяющегося в зависимости от наших нужд, наших страстей, склонностей нашего ума и условий нашей жизни, сочетающихся на тысячи ладов в различных кругах общества» [7, с. 214].

Известный советский философ Х.Н. Момджян отмечает, что «сами интересы в толковании Гельвеция не выступали как нечто обусловленное производственными отношениями. Невозможно не заметить преобладающую биологическую, физиологическую природу интереса в трактовке Гельвеция. ... Гельвеций не имел научных представлений о классовой структуре общества, о классовых интересах. Но он отчетливо фиксировал наличие различных сословий в обществе и принадлежность людей к тем или иным сообществам» [6, с. 30-31].

К.А.Гельвеций подчеркивает наличие многих истин, которые являются общепризнанными, поскольку не противоречат ничьим интересам. «Что касается области политики, морали, религии и т.д., где наиболее резко выступают разногласия тех или иных явлений, то и здесь, по Гельвецию, не исключается возможность установления истины, если ее будут искать люди, умеющие сочетать частный интерес с общественным» [6, с. 22]. Он пишет: «Справедливость наших суждений и поступков – есть всегда только счастливое совпадение наших интересов с интересами общественными» [7, с. 213].

Таким образом, французские мыслители эпохи Просвещения увязывали интерес с конкретными его носителями и характеризовали его как побудительную силу действия людей. Начиная уже с античной философии, интерес рассматривался как фундаментальное понятие, отражающее многогранный характер бытия человека и общества, проявляющееся в отдельных случаях как движущая сила и индивида, и государства.

Библиографический список

1. Платон. Полное собрание сочинений. – М.: Издательство «Альфа-книга», 2013. – С. 850-851.
2. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376-644.
3. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. Кн. 3. Гл. 5. П. 1.

4. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли. – М.: ЭКСМО, 2014. – 672 с.
5. Гольбах П. Избранные произведения в 2-х т. / пер. с фр. / под общ.ред. и со вступ. статьей Момджяна Х.Н. / пер. с фр. Кротов А.А. Т. 1. – М.: Мысль, 1963. – 715 с.
6. Момджян Х.Н. Клод Адриан Гельвеций / К.А. Гельвеций. Сочинения в 2-х т. / под ред. Х.Н. Момджяна. Т. 1. М.:Мысль, 1974. – 647 с.
7. Гельвеций К.А. Об уме / К.А. Гельвеций. Сочинения в 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1974. – 647 с.
8. Философия: энциклопедический словарь /под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
9. Дидро Д. Избранные произведения. – М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. – С. 352.
10. Де Санктис Ф. История итальянской литературы в 2-х т. Т. 2. – М.: Иностран. лит., 1964. // В кн.: Макиавелли Н. «Государь» / Н. Макиавелли. – М.: ЭКСМО, 2014. – С. 654.
11. Штайн В. Хронология мировой цивилизации в 2-х т. Т. 1. / отв. ред. Е. Лакирева. – М.: Слово, 2003. – С. 654-655, 666.
12. Анализируя такое «удивительное...» и трудное для объяснения явление, как «внезапное возникновение цивилизации в Греции», исключительные достижения в интеллектуальной области, Бертран Рассел отмечает, что «философия начинается с Фалеса» //Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней в 3-х кн. 7-е изд., стереотипное / науч.ред. В.В. Целищев. – М.: Академический Проект, 2009. – 1008 с.
13. Коркунов Н.М. История философии права. – М.: КРАСАНД, 2011. – С. 64.
14. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890-1907 // Электронный ресурс: //http: enc-dic.com/ brokgause/Ulpian-29382html.
15. Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. – М.: Сов.энциклопедия, 1989. – С. 171-172.
16. Кузнецов В.Н. Философское наследие Дидро/ в кн.: Дидро Д. Сочинения в 2-х т. Т. 1 /пер. с фр., сост., ред., вступ.ст. и примеч.В.Н. Кузнецова. – М.: Мысль, 1986. – С. 3-57.
17. Дидро Д. Сочинения в 2-х т. Т. 1 / пер. с фр., сост., ред., вступит.ст. и примеч. В.Н. Кузнецова. – М.: Мысль, 1986. – С. 76.

Е.А.Александрова*

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА (дохристианская Русь – началоXVII в.)

Аннотация. В статье рассматриваются исторические периоды становления и развития института материнства и детства, правовая политика государства в сфере медицинского обеспечения новорожденных, социальная поддержка малоимущих.

Ключевые слова: материнство, детство, семья, медицинское обслуживание, социальные проблемы, церковь.

THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF MATERNITY AND CHILDHOOD (the pre-Christian Rus – the beginning of XVII century)

Summary. The article examines the historical periods of formation and development of Institute of motherhood and childhood, legal state policy in the sphere of medical security of the newborn, social support of the poor.

Keywords: motherhood, childhood, family, medical care, social problems, Church.

Исследуя вопросы зарождения и развития института материнства и детства как высшей ценности любого общества, мы не можем не обратиться к эпохеродового строя, где основной формой общественной организации был материнский род, так как именно женщина играла главную роль в общественном производстве. Ее главенствующее положение в этот период определялось и участием наравне с мужчинами в добывании средств для жизни, и выполнением основного природного материнского предназначения, которое не мог заменить никто другой. В последующем, когда тяжелый труд стал уделом мужчин, произошли серьезные изменения в брачно-семейных отношениях.

Становление российской государственности насчитывает много веков, и каждая эпоха в своем ключе формировала отношение к женщине, материнству и детству. В дохристианский период в древнерусском обществе одновременно существовало две формы брака: моногамная и полигамная. При этом последняя сохранялась у древних славян вплоть до конца X века. В «Повести временных лет» говорится, что «радимици, и вятичи, и северь... имяху же по две и по три жены» [13]. Так, у князя Игоря, помимо часто упоминаемой в источниках Ольги, были и другие жены. Наряду с многоженством среди древнерусской знати процветало и наложничество. Показателен пример князя Владимира Святославича. «Был же Владимир побеждён похотью, и были у него жёны... а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц». По мнению А.В. Карташева, под наложницами здесь подразумевались пленницы, служившие одновременно и раз-

* **Александрова Елена Александровна** – ст. преподаватель кафедры теории государства и права, международного и европейского права ФСИН России.

влечением для князя и его дружины, и предметом торговли. Наложницами, а не женами, по мнению М. Ковалевского и В. Макушева, были и те двадцать-сорок жен одного из русских князей, о которых сообщали арабские путешественники Ибн-Фадлан и Казвини [1].

Церковный Устав Владимира содержит в себе перечень дел, по которым все граждане подлежали духовному суду, а равно лиц и учреждений, подсудных церкви по всем делам, и постановление об отдаче торговых мер и весов в церковное ведомство. Среди таких дел выделяют: «дела брачные» – развод, умычка, или умыкание, то есть похищение невесты (языческий брачный обычай), и дела о браках в недозволенных степенях родства или свойства; «дела семейные и о наследстве» – ссоры супругов между собой из-за имущества, дурное обращение детей с родителями или близкими родственниками и тяжбы родственников между собой о наследстве [14]. В целом законодательство того времени содержит свидетельства развития имущественных прав женщин, состоявших в браке.

В краткой редакции Русской Правды говорилось: «Убьет муж мужа ... если не будет никто мстить, то 40 гривен за убитого». Плата за убийство «тиуна», «огнищанина», «княжеского подъездного» составляла 80 гривен. За истязание этих лиц, являющихся приближенными к князю, а также за убийство лошади или «другой скотины» выплачивали 12 гривен. Последняя из названных нами сумм полагалась также за убийство «рабыни-кормилицы» или ее кражу [2].

В пространной редакции Русской Правды (по Троицкому списку второй половины XV в.) более детально рассматривались указанные выплаты и приводились суммы за «смердия холопа» – в 5 гривен, а за рабу («робу»), в расчете на потомство – 6 гривен [3].

В сокращенной редакции Русской Правды уделялось особое внимание имущественному владению женщин, которое было присуще представителям всех классов социальных групп феодального общества, в том числе и смердам. Также в Русской Правде содержались нормы, касавшиеся женского опекунства, то есть предоставлявшие женщинам право становиться опекунами своих несовершеннолетних детей. Немаловажной является еще одна норма, устанавливающая наличие у древнерусских женщин не только наследственных прав, но и право женщины в отличие от своего мужа выбирать, кому из детей передать свое наследство. По этой статье предпочтение отдавалось тому, кто проявил больше внимания к матери [4].

Соборное Уложение 1649 г. внесло значительные изменения в содержание правового статуса женщин. «Царское величество» было упомянуто в документе как главное лицо, здоровье которого – государственное дело. Несмотря на это, смертная казнь предусматривалась «за умышление» и (или) причинение вреда здоровью как в отношении царя, так и царицы, что не делало различия между монаршими особами [5].

Для отроков царской семьи предусматривалась смертная казнь, когда те убивали своих (своего) родителей (ля). В случае детоубийства также предусматривалась смертная казнь. В случае, если дети отказывались кормить и содержать своих престарелых родителей, занимались рукоприкладством, то их надлежало «бить кнутом нещадно» [6], возраст преступников при этом не указывался [7].

Уложение напрямую не регулировало семейные отношения, так как эта прерогатива оставалась в юрисдикции церкви, но даже в уголовных делах продолжали действовать принципы «Домостроя», где огромная роль отводилась родительской власти, общности имущества, разделению обязанностей всех членов семьи.

Разделение можно проследить и в наказаниях. Так, за убийство отца или матери дети приговаривались к смертной казни, в то же время за убийство детей либо отца, либо мать приговаривали к году тюрьмы с последующим принесением покаяния в церковь. По Уложению дети под угрозой наказания не могли жаловаться на родителей, для женщин-мужеубийц предусматривался особый вид наказания – закапыванию заживо по горло в землю, а детей и жен изменников казнили.

В период правления Петра I вопрос материнства и детства вышел на государственный уровень, конечно, это было связано с осознанием того, что для решения государственных, экономических и военных дел необходимо пополнение населения.

Так, 28 января 1704 г. издается Именной Указ «О погребении умерших в третий день и о подтверждении повивальным бабкам, под смертною казнию, чтобы они младенцев, рожденных уродами, не убивали», а 30 мая 1705 г. – Указ «Об обязанности приходских священников доносить Монастырскому Приказу об умерших беременных женщинах» [8]. Данные указы являлись проявлением гуманности к людям, рожденным с аномалиями развития, а также помогали отслеживать естественный прирост населения, причины смертности.

Предсказуемым было и принятие Указа Петра I от 31 января 1712 г. «Об учреждении по всем губерниям госпиталей для увечных и младенцев», в котором напрямую связывались забота государства об обеспечении боеспособности армии путем восстановления увечных воинов и забота о малолетних детях, рожденных вне брака. Церковь на протяжении всего своего существования на Руси не поддерживала незаконнорожденных детей, но именно в этот период под натиском абсолютной монархии произошла гуманизация моральных принципов, государство, тем не менее, возложило на церковь обязанность по устройству и финансированию специальных госпиталей для ранее беззащитного контингента, что нашло свое отражение в Именном Указе от 4 ноября 1714 г. «Об устройстве при церквях гошпиталей для незаконнорожденных детей». 4 ноября 1715 г. Указ был доработан и расширен и назван «О сделании в городах при церквях гошпиталей для приему и содержания незаконнорождаемых детей» [9].

Царь распорядился «при церквях, где пристойно, сделать гошпитали, в Москве мазанки, а в других городах деревянные; и для сохранения избрать искусных жен, и давать им из неокладных прибыльных доходов на год денег по 3 рубля, хлеба по полуосьмине на месяц, а младенцам по 3 деньги в день» [9].

Целью издания закона стало сохранение «ззорных младенцев, которых жены и девки рожают беззаконно, и стыда ради отметывают в разные места, от чего оные младенцы безгодно помирают, а иные от тех же, кои рожают, и умерщвляются: и для того объявить указ, чтоб таких младенцев в непристойные места не отметывали» [9]. Проводя аналогию с современной политикой в области материнства и детства, можно сравнить «окно, чрез какое закрытие, дабы приношенных лица было не видно» [9], передавали младенцев, с функционирующими сегодня Baby hatch (буквальный перевод – люк\приемник для детей) [10].

В дальнейшем были приняты: Регламент, или Устав Главного Магистрата, утвержденный 16 января 1721 г. Петром I «Об учреждении Магистратском и о произведении онаго во всех губерниях и провинциях», Указ от 30 декабря 1724 г., согласно которому средства сборов с деревень Чудова и Вознесенска должны были быть направлены на 10 монастырей на «гошпиталь и содержание сирот» [11]. Сенатский Указ от 23 октября 1725 г. «Об отдаче в богадельни слепых и престарелых, являю-

щихся при переписи, о раздаче безродных младенцов на воспитание с венечным за воспитание укреплением, о штрафе с владельцев, отпустивших кабальных людей без явки в Приказах, и о взыскании рекрут за утайку души в ревизских сказках» [11].

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что стремительная динамика развития государства, военные потери, высокий уровень смертности новорожденных, а также иные социальные проблемы выступали в качестве основной причины, способствовавшей необходимости более пристального внимания законодателя к самой важной части населения, без которой невозможно было разрешить вопрос демографического роста в государстве.

Библиографический список

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. Репр. изд. – М.: Эксмо, 2011. – С. 72-73.
2. Тихомиров М.Н. Пособие по изучению Русской Правды. – М., 1953. – С. 75-86.
3. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до 1861 года / сост. П.П. Епифанов, О.П. Епифанова. – М., 1987. – С. 48-63.
4. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. – М.: Мысль, 1989.
5. Гл. II. О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать, п. 1 // ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. I. – СПб., 1830. – № 1.
6. Кавелин К.Д. Основные начала русского судоустройства от Уложения 1649 г. до Учреждения о губерниях. 1775. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 33-38.
7. Гл. XXII. Указ, за какие вины кому чинити смертная казнь и за какие вины смертью не казнити, а чинити наказание, п. 1-6 // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. – СПб., 1830. – № 1.
8. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. IV. – СПб., 1830. – № 1964.
9. <http://www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/32.html>
10. <http://ru.m.wikipedia.org>
11. <http://www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/32.html>
12. <http://www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/32.html>
13. <http://lib.ru/HISTORY/RUSSIA/povest.txt>
14. <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/15.htm>

И.О.Васильева*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Аннотация. В статье освещаются последние тенденции, наметившиеся в развитии современной правовой системы России, такие как изменение существовавшей системы источников права, включение в их список наряду с уже признанными законодательно источниками судебной практики как внутригосударственных органов судебной власти, так и международных, расширение сферы процессуального регулирования, ориентирование на социализацию права, внедрение некоторых традиционных западных особенностей правового регулирования и др.

Изменения в правовой системе последних лет, уже способствовавшие и в дальнейшем должны способствовать постепенному формированию новой правовой культуры граждан, их стремлению к лучшим условиям и повышению качества жизни благодаря соблюдению законов и реализации имеющихся у них прав.

По мнению автора, основным направлением развития российской правовой системы остается построение правового государства на базе развития гражданского общества, где центральным звеном, высшей ценностью выступали бы права человека, реально обеспеченные, гарантированные и защищенные государством.

Ключевые слова: тенденции, современная правовая система России, структурные реформы, формирование правового государства, романо-германская правовая система, англо-саксонская правовая система.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN LEGAL SYSTEM OF RUSSIA

Summary. The article highlights the latest trends emerging in the development of a modern legal system of Russia, such as changing the existing sources of law system, the inclusion in the list along with the already recognized legally sources jurisprudence as the domestic judiciary, and international, expanding the scope of the procedural regulation, the introduction of some of the traditional features of the western legal regulation and others.

Changes in the legal system in recent years has contributed to in the future should contribute to the gradual formation of a new legal culture of citizens and their desire for a better environment and improved quality of life due to the enforcement of laws and implementation of their existing rights.

According to the author, the main direction of development of the Russian legal system is the construction of the rule of law based on the development of civil society, where the central link, the highest value to human rights were actually secured, guaranteed and protected by the state.

* Васильева Ирина Олеговна – юристконсульт ООО "Метрополис". E-mail: irina-vasileva-1993@mail.ru

Keywords: trends, modern Russian legal system, the structural reforms, the formation of the rule of law, the Roman-Germanic legal system, the Anglo-Saxon legal system.

Современная российская правовая система начала свое формирование сравнительно недавно, с начала 90-х годов прошлого века. Последствия либеральных реформ 1991 г. имели своей целью провести курс на вхождение в так называемое русло мировой цивилизации, то есть на установление демократических норм, принципов экономической, политической и личной свободы человека и гражданина в рамках нового общественного и политического строя. Главной задачей всего реформирования было провозглашено создание в России правового государства, в котором право являлось бы не «орудием в руках государства», как в СССР, а самоценностью, связывающей государственную власть.

За прошедшие 25 лет проводимого курса было осуществлено немало нововведений в различных сферах государственной и общественной жизни, направленных на построение демократического правового государства и основанных на правовом сближении с западной моделью развития правовой системы.

На начальном этапе становления современной модели российской правовой системы происходил процесс унифицирования основных теоретических определений в теории права, в ходе которого во многом произошло заимствование из зарубежных источников таких фундаментальных теоретических идей, как принцип разделения властей, учение о правах и свободах человека и гражданина, политический плюрализм и т.д. Происходящие изменения способствовали, с одной стороны, приведению российской правовой теории в близкое соответствие западным понятийным аппаратам, тем самым были обеспечены условия для дальнейшего построения и развития основ демократического государства, а с другой, по мнению некоторых исследователей, это позволило Западу выступать своеобразным «законодателем мод» в сфере юриспруденции, оставляя за собой право как основного передатчика юридической мысли быть судьей в последней инстанции, решая, какие положения соответствуют праву, а какие нет [2, с. 14].

Одним из основополагающих этапов на пути формирования правового государства в России стало принятие правовых стандартов, что позволило установить в регулировании различных сфер общественных отношений минимальные требования, предъявляемые для их эффективного регулирования [7, с. 9]. В частности, было приведено к общим международным стандартам в области государственного права правовое регулирование в сфере защиты прав человека и гражданина; в области гражданского права – внедрение свободы предпринимательства, изменения в правовом регулировании общественных отношений в сфере частной собственности, принято новое гражданское законодательство, регулирующие вопросы приватизации имущества; в правовом регулировании уголовного права произошла гуманизация уголовного законодательства в соответствии с международными стандартами, переход от карательного инквизиционного процесса к подлинно состязательному, основанному на уважении и надежной охране прав личности от государственного произвола; в области судебной системы – превращение суда в самостоятельную, независимую и могущественную ветвь власти, восстановление и введение новых демократических судебных институтов (суд присяжных, мировая юстиция, конституционное правосудие и т.д.).

Данные изменения общественных отношений нашли свое отражение в различных законодательных актах, в частности важнейшем из них – Конституции Российской Федерации. Все эти процессы происходили путем всеобъемлющих изменений внутригосударственного права под приоритетным влиянием международно-правовых норм, способствовавших включению России в глобальные процессы и усилению ее влияния на международной арене. В настоящее время продолжается внедрение некоторых традиционных западных особенностей правового регулирования в таких отраслях, как пенитенциарное законодательство, регулирование пенсионной системы, а также системы электронной поддержки населения государственной властью в целях защиты и реализации гражданами своих законных прав.

На стадии преобразования современной правовой системы России ввиду нарастающего взаимовлияния государств также явно можно проследить тенденцию, направленную на изменение существовавшей системы источников права, включение в их список наряду с уже признанными законодательно источниками судебной практики как внутригосударственных органов судебной власти, так и международных [3, с. 25]. Несмотря на то, что законодательно решения судов в качестве официального источника права не закреплены, на практике заметно использование разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, различных решений высших судебных органов по конкретным делам в качестве ориентира для вынесения решений судами низших инстанций по различным спорным производствам. Данный факт свидетельствует о проникновении отдельных особенностей «общего права» (судебной практики и судебного прецедента как основного источника права) в правовую систему России, в связи с чем создается предположение о возможном официальном законодательном закреплении судебного правового прецедента в качестве источника права, пусть и в модифицированном формате.

Однако приоритетное влияние романо-германской правовой системы, использующей в качестве основного источника права нормативные акты различных уровней власти, сохраняется в России, хотя некоторые исследователи полагают, что о принадлежности российской правовой системы к романо-германской правовой семье тем более нельзя говорить, что у нее в настоящее время так же, как это было и раньше, гораздо больше своих собственных, свойственных только ей одной специфических черт, чем общих признаков с романо-германским правом [4, с. 33].

Согласно мнению других исследователей существует и точка зрения, что российское право далеко не готово для членства в романо-германской семье из-за несоответствия правовой идеологии [6, с. 12]. Обосновывают свою позицию эти исследователи тем, что правовая идеология современного права в России как критерий классификации правовых систем стран по группам не полностью абстрагировалась от идеологии социалистического права (например, налоговая политика России продолжает оставаться карательной в отношении частной собственности).

Однако, на взгляд автора, внедрение демократических черт романо-германской правовой системы, безусловно, можно заметить как в уже существующих на данный момент чертах правовой системы России (например, кодифицированный характер российского права, структура правовой нормы, принципы верховенства закона и соответствующая иерархия источников права), так и в последних законодательных инициативах в регулировании отдельных отраслей права, например, в сфере поддержки предпринимательской деятельности, в частности отмены проверок малого и среднего бизнеса, свидетельствующей о том, что правовая система Рос-

сии все больше старается отойти от тотального контроля и устаревших методов регулирования.

Среди современных тенденций развития правовой системы России также можно заметить выделение и развитие подотраслей права, правовых институтов, которые до этого не являлись объектом пристального изучения, в частности развиваются корпоративное право, право ценных бумаг, интернет-право, право интеллектуальной собственности, институт Уполномоченного по правам человека, Уполномоченного по правам ребенка в России и других специализированных уполномоченных и т.д.

Нельзя не согласиться с А.М.Дроздовой, которая справедливо отмечает, что «защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации представляет собой целостную систему, конституционно обусловленную упорядоченную совокупность взаимодействующих звеньев правового механизма, деятельность которого направлена на защиту нарушенных прав и свобод лиц, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации, которая, в свою очередь, понимается как совокупность элементов, к основным элементам которой принято относить: правозащитные нормы, принципы защиты прав и свобод человека и гражданина, субъектов, осуществляющих правозащитную деятельность, и саму правозащитную деятельность [1, с. 49].

Данные процессы объясняются расширением общественных отношений в условиях развития российского общества, нуждающихся в правовом регулировании. Также происходит развитие межотраслевых структурных образований в системе российского законодательства, к примеру, космического, транспортного, природоохранного и др. в связи с тенденцией размывания границ между частным и публичным правом.

В России также продолжается так называемый процесс социализации права, основа которого состоит в ориентировании государства на удовлетворение социальных нужд населения, в частности законодательно закрепленного предоставления социальной защиты, поддержки уязвимых в современных экономических условиях жизни слоев населения, укрепления законодательства в сфере здравоохранения, образования [5, с. 107]. Данная тенденция приобретает важнейшую роль в становлении демократического правового государства, в связи с чем находит свое закрепление в Конституции Российской Федерации в части признания государства как социального.

В настоящее время в правовой системе России происходит расширение сферы процессуального регулирования, растет число процедурно-процессуальных норм, совершенствуются применяемые процессуальные процедуры. Можно проследить важную закономерность: чем более развито общество, тем подробнее регламентируется и прорисовывается деятельность, связанная с охраной социального порядка, прав, свобод и законных интересов граждан и организаций [3, с. 25]. Вместе с тем, несмотря на то, что процессуальное регулирование становится более совершенным и детализированным, на наш взгляд, в некоторых вопросах усложнение процедуры приводит порой к неоправданному затягиванию различных процессуальных действий в различных отраслях права.

Выделенные тенденции тесно взаимосвязаны между собой и зачастую взаимообусловлены. Российская правовая система как наиболее мощная и влиятельная из всех прежних социалистических правовых систем находится в настоящее время в переходном состоянии, открытом для обмена идеями, опытом и взаимодействия с любой правовой системой. Однако происходящие процессы модернизации, зачастую заим-

ствованные из англосаксонской и романо-германской правовых семей, не адаптированы под российские условия жизни общества. Из-за отличия правовой культуры и менталитета российских граждан большинство привнесенных нововведений не приживаются или усваиваются медленно, успевая преобразоваться и усовершенствоваться. Тем самым в процессе заимствования необходимо искать новые, адаптированные к условиям жизни в нашей стране нормы и правовые институты.

На сегодня самой большой проблемой правовой системы России продолжает оставаться явное противоречие между демократической и современной нормативной и институциональной формой и реальной практикой правовых отношений. К сожалению, остаются некоторые трудности и коллизии при реализации на практике в общественной жизни субъектами права теоретических норм, закрепленных в правовых источниках разного уровня. В частности, на взгляд автора, большие противоречия можно заметить в несоблюдении сроков, закрепленных в различных законодательных актах, установленных для различных государственных структур для исполнения своих обязанностей в целях полноценной реализации гражданами своих законных прав. Такие ситуации нарушения сроков государственными служащими можно объяснить в первую очередь несовершенством установленного правового механизма, требующего больших организационных реформ с целью обеспечения эффективного и своевременного оказания закрепленных теоретических норм на практике. Еще одной проблемой в установлении эффективной правовой системы является укоренившееся правовое сознание населения, распространенное явление правового нигилизма в российском обществе. Однако изменения в правовой системе последних лет уже способствовали и в дальнейшем должны способствовать постепенному формированию новой правовой культуры граждан, их стремлению к лучшим условиям и повышению качества жизни благодаря соблюдению законов и реализации имеющихся у них прав [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российская правовая система в данный момент в своем развитии проходит переходный период, когда становится ясно, что полное заимствование основ функционирования правовых систем других стран не достигает поставленной задачи создания эффективно функционирующей правовой системы в России. При проведении структурных правовых реформ необходимо учитывать особенности исторического развития российских правовых институтов и государства в целом, менталитет населения страны, а также ориентироваться на рассмотрение проблем, которые уже очень долгое время нуждаются в оперативном рассмотрении и принятии по ним важных для всего общества решений. При этом основным направлением развития российской правовой системы остается построение правового государства на базе развития гражданского общества, где центральным звеном, высшей ценностью выступали бы права человека, реально обеспеченные, гарантированные и защищенные государством.

Библиографический список

1. Дроздова А.М. Правозащитники и необходимость защиты прав правозащитников //Юридическая мысль. – 2015. – №3(89). – С. 49-50.
2. Левашов В.К. Общество и глобализация //Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 14.
3. Лукьянова Е.Г. Глобализация и правовая система России: основные направления развития. – М., 2006. – С. 25.

4. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. – М., 2010. – 333 с.
5. Мицкевич А.В. Система права и система законодательства// Проблемы общей теории права и государства. – М., 1999. – 346 с.
6. Осакве Кр. Типология современного российского права на фоне правовой карты мира // Государство и право. – 2001. – С. 12-22.
7. Поленина С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.П. Теоретические и практические аспекты развития правовой системы Российской Федерации в условиях глобализации// Государство и право. – 2005. – № 12. – С. 9.
8. См. подроб.: Азнагулова Г.М. Функционирование правовой системы России на современном этапе: теоретико-методологический анализ: монография [Текст] / Г.М. Азнагулова; под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Юридический ин-т, 2011. – 340 с.; Азнагулова Г.М., Комаров С.А. Правовая политика национальных государств в условиях глобализации и интеграции [Текст] / Г.М. Азнагулова, С.А.Комаров //В сб. материалов XV Лихачевских чтений (Санкт-Петербург, 2015) //http://www.lihachev.ru/ pic/site/files/lihcht/2015/dokladi/Komarov_Aznagulova_sec4_rus_27.04.15.pdf

Ф.Х.Галиев*

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

***Аннотация.** В современных условиях возрастает роль и значение права в жизни людей. В связи с этим становится актуальным вопрос о специфике воздействия права на сознание и поведение субъектов права, потому что результаты этого воздействия отражаются на правовой культуре общества. В то же время правовая культура является одним из важнейших элементов механизма правового воздействия на общественные отношения.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовое воздействие, общественные отношения, сознание, поведение.*

LEGAL CULTURE AND LEGAL EFFECT

***Summary.** In the present conditions, the role and importance of law in people' life is increasing. In this context the question of specifics of the impact of law on consciousness and behavior of subjects of law becomes urgent, because the results of this action are reflected in society legal culture. At the same time, legal culture is one of the most important elements of the mechanism of legal effects on social relations.*

***Keywords:** legal culture, legal effect, public relations, consciousness, behavior.*

Реалии сегодняшнего дня диктуют необходимость современного осмысления правовых явлений и функционирующих в обществе правовых ценностей, что обусловлено теми процессами, которые развиваются не только в нашей стране, но и в мире в целом [1]. Внутригосударственные и международные события, связанные с глобальными общемировыми проблемами и проблемами модернизации общественно-политической и социально-экономической жизни нашей страны и ее государственно-правового развития, говорят об особой значимости вопроса о воздействии права на сознание и поведение людей и о повышении правовой культуры современного общества.

При этом, определяя понятие «правовая культура» как «разновидность общей культуры, состоящую из духовных и материальных ценностей, относящихся к правовой действительности», исследователи отмечают, что «правовая культура включает лишь то, что есть в правовых явлениях относительно прогрессивного, социально полезного и ценного. Она – не только результат, но и способ деятельности, и в этом смысле духовная правовая культура понимается как образ мышления, нормы и стандарты поведения» [2, с. 184], одновременно подчеркивается, что «не все, что относится к области права и правовой действительности, можно считать ценностью в конкретных исторических условиях. Сама правовая культура представляет

* Галиев Фарит Хатипович – д.ю.н., доцент, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет». E-mail: galievfarkhat@mail.ru

собой ценность в той мере, в какой позволяет людям пользоваться благами свободы и справедливости, служит обеспечению достоинства личности, участвует в достижении достойного и достаточного уровня жизни» [2, с. 186]. Особенность правовой культуры состоит в том, что она представляет собой не право или его реализацию, а комплекс представлений той или иной общности людей о праве, его реализации, о правотворчестве, правоприменительной деятельности государственных органов, должностных лиц, состоянии законности в государстве [20].

В то же время, несмотря на всеохватывающий характер словосочетания «духовные и материальные ценности, относящиеся к правовой действительности», понятие «правовая культура» включает в себя и всю специфику явлений, связанных с обусловленными правовыми требованиями сознанием, поведением и поступками людей, независимо от того, какими бы по своему содержанию они не были: позитивными или же негативными. Это объясняется тем, что понятие «правовая культура» прежде всего опосредуется понятием «право» и немислимо без понятия «право». Правовая культура и предполагает специфику воплощения в поведении и поступках людей содержащихся в праве запретов, разрешений и обязываний, которые обеспечены принудительной силой государства. Тем не менее их эффективность зависит не только от принудительной силы государства, от особенностей правового регулирования общественных отношений, но и от сформировавшегося в обществе механизма правового воздействия. «Какой-то круг людей в обществе исполняет юридические обязанности по внутреннему убеждению, по чувству долга» [2, с. 198].

Исходя из того, что природа права естественным образом связана с правосознанием, основой которого служит правопонимание, и поэтому всякая трактовка природы права оказывается под прямым влиянием духовных факторов, В.В. Сорокин трактует право как форму духовного освоения мира. По его мнению, «духовно-культурологический подход, в отличие от формально-юридического подхода, дает возможность акцентировать внимание не на поверхностных, а на глубинных, общекультурных, первичных, фундаментальных, духовных основаниях права. С помощью этого подхода правовая реальность интегрируется в духовно-ментальный, нравственный, культурологический страт социума, синтезирует разнообразные юридические явления в один общий контекст» [3, с. 16-17]. Поэтому правовую культуру, в сущности, и нужно воспринимать как реализованное правосознание, воплощение права в реальное поведение людей, как результат правового воздействия на сознание и поступки людей.

Отмечая, что «содержание права составляют нормы, ценности и смыслы характерной регулятивно-деонтологической направленности вместе с опирающейся на них деятельностью соответствующих социальных институтов», В.А. Бачинин пишет, что «элементы права, связанные каузальными, функциональными, логическими, смысловыми, иными зависимостями, составляют единую, иерархически организованную систему, цель которой – поддерживать социальные отношения в состоянии относительной упорядоченности». По его мнению, право можно рассматривать с нескольких позиций: как аксиологическую, нормативную, семантическую, институциональную системы. При этом нормы, ценности, смыслы права, а также те институциональные формы, в которые они облачены и на которые опираются, по природе таковы, что им тесно в сугубо юридических рамках. Богатством своих содержаний они как бы выходят за институциональные пределы права, не позволяют ему находиться в состоянии самотождественности, свидетельствуют о том, что в каждый мо-

мент своего существования правовая реальность не равна себе, включает еще нечто такое, что, строго говоря, не является правом и вместе с тем не может быть радикально отсечено от него. Это нечто может иметь прямое отношение к религии, морали, экономике, политике, идеологии и многому другому. Оно существует в нормативно-ценностном континууме «цивилизация – культура» и по разным каналам проникает в содержание права. Так создаются основания для утверждения, что право – это действительно есть нечто большее, чем право [4, с. 7-8].

Отмечая, что право представляет собой уникальный, высокозначимый и авторитетный регулятор, В.И. Червонюк подчеркивает, что оно – лишь один из компонентов нормативного регулирования. Являясь одним из важнейших регуляторов поведения и деятельности, право вместе с тем вынуждено учитывать регулируемую роль и возможности иных социальных норм. Выявление места и роли права среди других социальных регуляторов норм имеет важное значение для понимания его природы, определения возможностей и пределов регулятивного действия. Постоянно происходящий обмен регулятивной энергией, избирательное отношение участников общественных отношений к различным социальным регуляторам должны учитываться как законодателем, так и правоприменительной практикой.

В.И. Червонюк пишет, что многовековой правовой опыт убедительно доказывает, что своих целей право способно достигать при условии его высокой моральности и религиозного основания, соответствия обычаям народной жизни и иным социальным нормам, выражающим общественные потребности и воплощающим подлинные представления людей о справедливости и свободе. По его мнению, положение о том, что апробированные жизнью и выражающие общечеловеческие ценности моральные, религиозные, обычные нормы и корпоративные установления образуют самую основу естественного права как эталона права позитивного, высшего критерия соизмеримости закона с правом, должно стать юридической аксиомой для законодателя, применяющих право властных структур, компонентом профессионального правосознания и показателем профессиональной состоятельности должностных лиц [5, с. 297-298].

Поэтому при всем том, что среди социальных норм в процессе регулирования общественных отношений основную роль, вне всяких сомнений, играет правовая норма и она же лежит в основе правовой культуры, исследование данной проблемы убедительно доказывает, что правовая культура формируется в окружении своеобразной ауры, состоящей из всех имеющихся в обществе социальных норм и способствующей появлению синкретизма правовой культуры. При этом в большинстве случаев, рассматривая понятие «право», мы имеем в виду право в юридическом смысле, оставляя вне внимания понятия «религиозное право», «моральное право» и т.д.

В.П. Малахов пишет, что «в действительной жизни право всегда преследует цели, навязанные ему религией, моралью, политикой, соображениями целесообразности и т.п. То, что данный факт необходимо учитывать, не подвергается сомнению. Но если мы не в состоянии увидеть в праве цель, адекватную ее собственной сущности, если его ценность заключена в практической пользе и не связывается с осознанием независимой ни от чего притягательности самого права, то мы мало что понимаем в праве» [6, с. 98].

Рассматривая особенности сложного механизма социальной регуляции, Е.А. Лукашева отмечает, что «интегративная сущность социокультурной системы раскрывает органическую связь всех компонентов данной системы, их взаимовлияние и взаи-

мозависимость... Правовые нормы – это компонент сложной регулятивной системы, и на их содержание, оценку их роли в обществе огромное воздействие оказывают иные ценностные компоненты: религия, нравственность, традиции, обычаи, политические установки. Они различны в различных цивилизациях, и право не может быть иным, чем все компоненты системы, которые взаимосвязаны, взаимозависимы, взаимодополняемы и осуществляют взаимоподдержку» [7, с. 93].

Правовое воздействие в современной юридической науке воспринимается как «результативное, нормативно-организованное влияние на общественные отношения как специальной системы собственно правовых средств (норм права, правоотношений, актов реализации и применения), так и иных правовых явлений (правосознания, правовой культуры, правовых принципов, правотворческого процесса, правовой политики) [8, с. 490]. По мнению А.Н. Чумакова, любой человек, сколь основательно он ни усвоил бы основополагающие положения и принципы культуры, в которой он вырос и к которой принадлежит, в силу многих причин и не зависящих от него обстоятельств в своем повседневном поведении ориентирован, тем не менее, на свой внутренний мир. Сугубо индивидуальный и неповторимый мир человека как раз и является главным источником и причиной того, что люди нередко совершают поступки и действия, не согласующиеся с принятыми в обществе нормами, а то и вовсе ведут себя, преступая закон, если эти нормы вступают в противоречие с их внутренними убеждениями, установками, целями, порывами [9, с. 152-153]. В.М. Соколов пишет, что «жить среди людей – значит руководствоваться определенными принципами, правилами общения с ними... Эти принципы, нормы, идеалы, отношение к общему и личному, к добру и злу, к справедливому и несправедливому – суть морали. А она, в свою очередь, – сердцевина ментальности» [10, с. 47].

На наш взгляд, современное понятие «ментальность» означает склонность индивида к выбору той модели поведения, которая присуща окружающему его обществу, и специфика ментальности зависит от многих факторов, в том числе и от принадлежности к определенному правовому пространству. Как пишет В.К. Егоров, нет единых подходов к соотношению понятий «национальный характер» и «менталитет». Есть мнения, согласно которым «русский национальный характер» и «русский менталитет» – это одно и то же, и за ними стоят либо «присущий представителям данной нации набор основных личностных черт» (концепция модальной личности), либо «система основных существующих в этносе представлений: установок, верований, ценностей, умонастроений и т.п.» (концепция социальной личности). В.К. Егоров отмечает, что отличие менталитета от национального характера в том, что последний, являясь составной частью ментальности, включает общие психофизиологические черты жизнедеятельности (определяемые принятой нацией системой ценностей [11, с. 306].

Поэтому так важно подчеркнуть, пишет А.Н. Чумаков, что, в отличие от цивилизации, опирающейся на порядок и закон и использующей преимущественно атрибуты внешнего принуждения, культура обращается к внутреннему миру человека, где прямые методы принуждения не работают. Право, порожденное цивилизацией, только тогда может оставаться действенным, когда оно, хотя и будучи тесно связанным с моралью, тем не менее опирается на внешнее принуждение, то есть на силу, и поддерживается страхом неотвратимости наказания за нарушение правовых норм. А.Н. Чумаков пишет, что ценности при этом играют ключевую роль, ибо являют собою общепринятые убеждения относительно целей, к которым человеку следует

стремиться. Каждая культура выстраивает, в конечном счете, свою систему ценностей, выделяя определенные объекты почитания и отдавая предпочтение тем или иным поступкам, идеям, образу жизни людей, активной жизненной позиции, аскетизму и т.п. При этом большое внимание уделяется устанавливаемым в обществе правилам, а уважение к праву и установки на его неуклонное соблюдение всегда являются положительной нормой, закрепляемой практически всеми культурами. Подобные правила (как этические, так и юридические) регулируют поведение людей в соответствии с ценностями, принятыми в том или ином обществе и наилучшим образом отличающимися его культуру [9, с. 153-154].

Таким образом, если необходимость создается независимо от сознания и связанного с сознанием желания или же нежелания субъекта права, то обязательность диктуется или ситуацией, или законом. Одновременно с этим и необходимость, и обязательность воспринимаются и оцениваются человеческим сознанием как однозначные требования, предъявляемые к правомерной форме поведения субъекта права, и знание требований правовой нормы при этом становится необходимым, потому что этого требует сама жизнь. На наш взгляд, это объясняется *синкретизмом правовой культуры*, который создается совокупностью всех имеющихся в обществе социальных норм, каждая из которых как отдельная целостная система регулирования общественных отношений имеет свои каналы воздействия на сознание, поведение и поступки людей.

«Сословие юристов, обладающее особым знанием законов, считает часто это знание своей монополией и полагает, что тому, кто не из их среды, не следует вмешиваться в их дела, – писал Г.В.Ф.Гегель. С подобным же недоверием физики отнеслись к учению Гете о цветах, поскольку он не был специалистом в данной области, а к тому же еще был поэтом. Однако так же, как не надо быть сапожником, чтобы знать, годятся ли башмаки, не надо быть специалистом, чтобы обладать знаниями о предметах, представляющих собой общий интерес. Право касается свободы, самого достойного и священного в человеке, и он сам, поскольку оно для него обязательно, должен знать его» [12, с. 287].

Безусловно, в специфике правовой культуры отражаются все особенности той правовой реальности, в которой формируется и функционирует правовая культура. В свою очередь, специфика современной правовой реальности такова, что решение гражданами своих жизненно важных проблем, неотложных вопросов и нахождение выхода из конфликтных ситуаций возможно с учетом как минимум двух условий.

Во-первых, в решении особо важных правовых ситуаций людям могут помочь только специалисты-юристы в силу своей профессиональной подготовленности и соответствующего опыта. М.В. Немытина отмечает, что по обыкновению граждане обращаются к праву тогда, когда у них возникают юридические проблемы. Можно предположить, что правовое общество – это то, в котором человек редко обращается к юридической казуистике, а его правовые проблемы разрешаются естественно и органично посредством созданных обществом и государством механизмов правового регулирования [13, с. 15].

Во-вторых, в поиске оптимальных выходов из конфликтных ситуаций людям может способствовать знание ими самими основных принципов и норм действующего законодательства, что предполагает наличие определенных представлений о праве вообще, независимо от их желаний и предпочтений. В.Д. Перевалов, выступая на III сессии Европейско-Азиатского правового конгресса, обратил внимание на факторы, ко-

торые, с одной стороны, не имеют прямого отношения к праву, не являются его составляющими, а с другой – обуславливают само существование права, определяют направление его развития, обозначают внутренние ресурсы совершенствования, и обозначил их следующим образом.

Во-первых, это человек (правовой человек, homo юридикус), во-вторых, это правовой дух, отражающий нравственно-политическую составляющую права, в-третьих, это юридические знания. Рассматривая эти факторы в указанной последовательности, В.Д. Перевалов прежде всего отметил, что человек способен ощущать и осознавать право, соблюдать правовые установления, приспосабливаться к правовой действительности. Как существо социальное, он в процессе общения с себе подобными может конструировать все более целесообразные модели общественного поведения, искать компенсаторные механизмы при нарушении или бездействии правовых норм [14, с. 17-19].

На наш взгляд, эти компенсаторные механизмы и обеспечивают реальность воздействия права на сознание и поведение людей при поддержке всех социальных норм, действие которых направлено на поддержание оптимального режима осуществления общественных отношений в социально неоднородном обществе.

Исследование основных направлений воздействия синкретизма правовой культуры на общественные отношения позволяет говорить о том, что основные параметры традиционно понимаемой правовой культуры напрямую зависят от общего состояния других составляющих культуры. В то же время правовая культура может успешно формироваться только в том обществе, в котором признаются не только права и свободы человека, но и нормы морали, религии, этики, традиции и обычаи, фактически способствующие оптимальному сочетанию возможности реализации прав и выполнения юридических обязанностей. При этом знание правовой нормы становится, с одной стороны, необходимым и рациональным, потому что дает возможность воспользоваться тем, что позволяет норма права. Далее, знание правовой нормы становится обязательным, потому что незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Под воздействием правового (юридического) фактора синкретизм правовой культуры обеспечивает восприятие и оценку человеческим сознанием необходимости и обязательности знания основных требований и принципов права как естественных требований, предъявляемых к правомерной форме поведения субъекта права. Под воздействием внеправового (неюридического) фактора, представленного требованиями традиций, моральных, этических, религиозных и других социальных норм, синкретизм правовой культуры способствует позитивному восприятию и устойчивости правомерных моделей поведения. Правовая норма, выполняя стержневую роль, пронизывает содержание этих социальных норм, проверяет и контролирует их позитивную наполняемость, соответствие содержания этих социальных норм требованиям действующего законодательства, способствуя изначальному выбору правомерного варианта поведения и в то же время предполагая возможность применения санкции в случае нарушения правовых требований.

По мнению И.А.Василенко, в науке формируется новая ценностно-нормативная парадигма, которая получила название «постклассической». На место идеи рациональности и уникальности истины пришло убеждение в том, что рациональное мышление не может быть основой развития культуры. Истина не является уникальной, она зависит по меньшей мере от аспекта интерпретации. Вместо ориентации на отношения «господство – подчинение» наметилось движение к принципам сосуще-

ствования, сотрудничества, кооперации. Исходя из того, что в цивилизационной стратегии формируется новая парадигма партнерских отношений, И.А. Василенко объясняет это тем, что она основана на стремлении достичь взаимопонимания, компромисса «общего языка», согласия мыслей и действий с противоположной стороной, ориентации на ненасильственные методы разрешения конфликтов [15, с. 262-263].

На наш взгляд, то, что И.А. Василенко называет «аспектом интерпретации», соответствует восприятию и пониманию правовой культуры с точки зрения ее синкретизма, потому что принципы сосуществования, сотрудничества, кооперации требуют соответствующей мотивации отношений «господство – подчинение» не только на основе требований действующего законодательства. Оптимизация этих отношений невозможна без учета требований норм морали, этики, религии, а также традиций и обычаев, которые нивелируют социальное напряжение, сводя на нет предполагаемые конфликтные ситуации.

М.В. Немытина пишет о том, что с позиций типологии право можно рассматривать в трех измерениях: первое – человек, его права, свободы, представления о справедливости, его чувство свободы; второе – общие интересы, согласовывающиеся посредством действующих внутри общества регулятивных систем; третье – волеизъявление государства, получившее нормативное выражение. Она обращает внимание на то, что в современной юриспруденции естественно-правовые, социологические концепции или концепции юридического позитивизма «в чистом виде» встречаются крайне редко.

М.В. Немытина отмечает, что сегодня для науки вообще характерны тенденции интегративного свойства, соединяющие различные подходы к исследуемым явлениям, в разных ракурсах постигающие их сущность [13, с. 25-26]. Все это согласовывается с пониманием и восприятием правовой культуры в ее синкретическом ракурсе. Права и свободы человека, его представления о справедливости и законности, общие интересы людей, целостность и непротиворечивость которых достигается с помощью действующих внутри общества и представляющих собой комплекс регулятивных систем социальных норм, законотворческая деятельность государства, – все это характеризует синкретизм правовой культуры в механизме правового воздействия на общественные отношения.

По мнению Б.С. Ляпутина, культура выступает как сумма правильных и неправильных ответов в рамках цивилизации на взаимоотношения человека с природой, обществом и доминирующей системой ценностей [16, с. 336]. На наш взгляд, в качестве доминирующей системы ценностей в первую очередь можно и нужно рассматривать право, потому что право на самом деле доминирует среди других систем регулирования общественных отношений, потому что обеспечивается силой государственного принуждения. Но не только этот момент придает праву значение доминирующей системы ценностей. Реальное поведение человека корректируется такими возможностями права, как: оперативное воздействие правых предписаний, обязательность и конкретность санкций, неизбежность и неотвратимость наказания и т.д.

В процессе юридического обеспечения общественных отношений право охватывает максимальный объем взаимоотношений субъектов права. И.А. Ильин писал, что, тем не менее, «право может устанавливать только общие, отвлеченные правила и потому оно говорит в своих нормах только о людях вообще, о признаках вообще, о деяниях, отношениях, полномочиях и обязанностях вообще, выделяя одни стороны и свойства, как существенные, и оставляя другие без внимания. Если бы законо-

датель попытался заменить общие нормы единичными императивами, приспособленными к индивидуальному поведению, то он поставил бы перед собой нелепую задачу бесплодной погони за бесконечным разнообразием индивидуального материала, число императивов оказалось бы бесконечным и строй жизни остался бы неурегулированным» [17, с. 230]. Всеобщность и отвлеченность правовых норм дополняют другие социальные нормы, каждая со своей стороны, уточняя и конкретизируя отдельно взятый случай, каждого реального субъекта права с его индивидуальной характеристикой, установками на жизнь, мировоззрением и правосознанием.

По нашему мнению, основная причина разногласий в обсуждении проблем, связанных с правовой культурой, заключается в самой специфике понимания права, потому что в большинстве случаев право понимается и воспринимается как воля государства, а не как средство достижения справедливости, обеспечения оптимального режима взаимоотношений и т.д. Отсюда и пренебрежительное отношение ко всему тому, что связано с государством и правом, в том числе и к правовой культуре, восприятие правовой культуры без учета ее синкретизма, игнорирование и отрицание необходимости и значения функционирующих в обществе социальных норм. В этом заключается, на наш взгляд и основная причина правового нигилизма. Как писал Г.В. Мальцев, «наши нынешние представления об онтологическом статусе права поверхностны, отрывочны и зачастую превратны. Право всегда ассоциировалось с порядком, законами, устанавливающими порядок, и в этом отношении оно универсально. Где имеется определенный порядок и действуют упорядочивающие силы, там есть право, хотя не всегда оно так называется. Право четко вписывается в структуры бытия, если они устойчивы и целостны, но дестабилизация и разрушение порядка, произвол, хаос ослабляют, а затем прекращают действие права» [18, с. 409].

М.В. Немытина, характеризуя данную ситуацию, отмечает, что преобладающим в отечественной юриспруденции типом правопонимания по-прежнему остается юридический позитивизм, где презюмируется отношение к праву как к воле государства, облеченной в систему имеющих различную юридическую силу норм. В силу привычки мы подчас не замечаем или не хотим замечать существования права в других измерениях. Юридический позитивизм сильно преувеличивает роль в обществе законодательства, результатом которого являются идущие от институтов власти акты, а законодательству придается почти абсолютный смысл, не акцентируется внимание на том, какова природа государства, выступающего творцом права, насколько оно отражает интересы общества.

М.В. Немытина подчеркивает необходимость в российском правоведении разрабатывать концепции в русле социологического типа правопонимания, нацеленные на выявление реально существующих в обществе отношений правового свойства и создание адекватных потребностям общества механизмов правового регулирования [13, с. 31]. В русле социологического концепта действие права признается наряду с другими социальными регуляторами – экономикой, политикой, психологией, религией и пр. Механизмы саморегуляции заложены в самом обществе: в обычаях (не только присущих определенным этническим общностям, но и в обычаях делового оборота), в правилах и установках множества существующих в мире корпоративно-публичных образований [13, с. 28].

В то же время наличие довольно большого количества проблем, связанных с игнорированием или с нежеланием считаться с требованиями действующего законодательства, заставляет задуматься о причинах этого. Эта ситуация усиливается еще

тем, что «как хозяйственная жизнь, так и социальная без права в современных условиях оптимально не могут существовать, да и любые общественные отношения, имеющие определенное значение, объективно нуждаются в правовом закреплении, опосредовании, иначе они не могут выполнять свое назначение и не будут гарантированы в реализации» [19, с. 144-145].

В силу этого становится очевидным необходимость, во-первых, восприятия права как реального и оптимального средства регулирования общественных отношений и, во-вторых, восприятия правовой культуры как правовой реальности, потому что мы не можем отказаться от реалий сегодняшнего дня ни в плане положительных, ни в плане отрицательных или нежелательных моментов в современной правовой культуре. На наш взгляд, правовая культура – это правовая реальность, предполагающая наличие возможности с помощью правовых (юридических) и неправовых (неюридических) средств, способов и методов обеспечения правового и общественного порядка в стране в целях дальнейшего государственно-правового развития общества. Специфика современной жизни делает злободневным поиск эффективных способов и методов воздействия права на общественные отношения, улучшения качества правовой жизни общества, оптимизации механизма правового воздействия, что предполагает дальнейшее совершенствование правовой культуры.

Библиографический список

1. Алекси Роберт. Понятие и действительность права: ответ юридическому позитивизму (пер. с нем.) / [А. Лаптев, Ф. Кальшоер] ; [В. Бергманн, пред., сост.] ; [Т. Яковлева, науч. ред.]. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.
2. Теория права и государства: учебник / под ред. проф. В.В. Лазарева. – М.: Право и Закон, 1996.
3. Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: монография. – М.: Проспект, 2007.
4. Бачинин В.А. Право и религия: методологические проблемы социокультурного взаимодействия // Российский юридический журнал. – 2008. – № 5.
5. Червонюк В.И. Теория государства и права: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2007. – С. 297-298.
6. Малахов В.П. Философия права: учебное пособие. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
7. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма, 2009.
8. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 8-е изд., испр. и доп. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012.
9. Чумаков А.Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст: научное издание. [Текст]: монография / А.Н. Чумаков. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2006.
10. Соколов В.М. Российская ментальность и исторические пути Отечества: записки социолога. – М.: Изд-во РАГС, 2007.
11. Егоров В.К. Философия русской культуры: монография. – М.: Изд-во РАГС, 2006.
12. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. Б.Г. Столпнера; вступ. ст. В.С. Соловьева; примеч. В.С. Нерсисянца. – М.: Мир книги, Литература, 2007.
13. Немытина М.В. Право России как интеграционное пространство. Изд. 2-е, перераб. – Саратов: Научная книга, 2008.

14. Перевалов В.Д. Выступление на III сессии Европейско-Азиатского правового конгресса // Российский юридический журнал. – 2009. – № 4.

15. Василенко И.А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.

16. Ляпустин Б.С. Проблемы развития культуры на рубеже тысячелетий в современной России // Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения. МГИМО МИД России (23-24 мая 2000 г.). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.

17. Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: Рарогъ, 1993.

18. Мальцев Г.В. Понимание права: подходы и проблемы. – М.: Прометей, 1999.

19. Раянов Ф.М. Государственно-правовые «болезни»: исторический диагноз: научно-популярное издание. – Уфа: НИИПП, 2005.

20. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 8-е изд. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2012. – С. 435.

А.М.Дроздова*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

***Аннотация.** В статье утверждается и обосновывается идея о том, что судебный порядок защиты прав и свобод гарантируется каждому гражданину Российской Федерации, включая в полном объеме защиту прав и свобод несовершеннолетних граждан. Нормы ст. 46 Конституции РФ следует относить ко всем гражданам, независимо от их возраста, что также закреплено и гарантируется в плане обеспечения текущим законодательством.*

Анализируя систему международных актов в сфере защиты прав человека и ребенка, то становится ясно о недостаточном количестве принципов и норм для регулирования общественных отношений в названной сфере. Нормы международного права носят рекомендательный характер, а значит не создают обязанности для государств-участников по их неукоснительному исполнению. Остается только надеяться на порядочность в плане применения принципов и норм в современной российской практике к семейным и иным отношениям, которые уже сложились в российском обществе.

***Ключевые слова:** несовершеннолетний, права и свободы, нормы международного права, национальное законодательство, семейное право, государственная защита, гражданско-правовой статус ребенка.*

CONCEPTUAL FEATURES OF IMPLEMENTATION AND PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE CHILD IN RUSSIA AND ABROAD

***Summary.** The article argues and substantiates the idea that trial-by-row protection of the rights and freedoms guaranteed to every citizen of the Russian Federation, including the full protection of the rights and liberties of minor citizens. Norms of article 46 of the Constitution intended to apply to all citizens, regardless of their age, which also secured and guaranteed to ensure the current legislation.*

Analyzing the system of international acts in the sphere of protection of human rights and of the child, it becomes clear about the lack of principles and norms to regulate social relations in the field. The rules of international law are recommendatory nature, and thus do not create obligations for states parties for their strict enforcement. We can only hope for decency in the application of principles and norms in modern Russian practice to the family relations in the Russian society.

* **Дроздова Александра Михайловна** – профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: temp17@rambler.ru

Keywords: minors, rights and freedoms, international law, national law, family law, public defense, civil legal status of the child.

Согласно Конституции Российской Федерации (ст. 45) каждому человеку (физическому лицу) гарантируется государственная защита его прав и свобод как человека так и гражданина, а по тексту последующих статей Конституции, в объеме главы второй, становится ясно, что законом предусмотрены не только принципы, но и нормы отражающие основные конституционные гарантии в сфере защиты прав человека, которые в свою очередь основываются на мировых общепризнанных стандартах в названной сфере.

На основании данной статьи можно предположить, что все структурные элементы государственного механизма *обязаны* повсеместно защищать права и свободы человека и гражданина, что подтверждает законодательство Российской Федерации.

Так на основании норм ст.46 Конституции РФ каждому гарантируется защита его нарушенных прав посредством обращения в судебные инстанции, где могут быть обжалованы решения и действия не только органов государственной власти, но и органов местного самоуправления, и общественных, и также должностных лиц, при этом теоретически защита нарушенного права может быть реализована в форме уголовного, гражданского, административного и конституционного судопроизводства (ст. 118 Конституции РФ). Нельзя не сказать о том, что реальность и эффективность судебной защиты прав и свобод человека и гражданина во многом зависит и от качества исполнения судебных решений, т.к. в противном случае вынесенное, но не исполненное судебное решение не только не защищает права законопослушного и уже пострадавшего гражданина, но и вызывает у него недоверие, пренебрежение по отношению к судебной власти, в частности, и к государственной власти – в целом, притом, что нарушитель, мошенник, преступник в данной ситуации считает себя победителем и продолжает свою противозаконную деятельность, уверовав в защиту со стороны государственных органов. Создается парадоксальная ситуация, когда вся деятельность судебной машины направлена на защиту прав правонарушителя, карой преступника и создания в стране оснований для возникновения и формирования нигилистических настроений у законопослушных граждан во всех сферах жизнедеятельности.

Обратившись к ч.3 ст. 46 Конституции РФ, видим, что в определенных случаях, которые предусмотрены международными нормами договоров, не получив реальной защиты внутри государства, каждый человек может обратиться в межгосударственные органы защиты прав человека, основным из которых является Европейский суд по правам человека, появление которого обеспечено протоколом № 11 общеизвестной Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод .

Нельзя не обратить внимание и на нормы ст.48 Конституции РФ, которые гарантируют каждому человеку право на получение квалифицированной юридической помощи, хотя практически не всегда человек может данное право реализовать, т.к. квалификацию адвоката человек проверить не может и человеческие качества адвоката тем более. Может случиться так, что уплатив свои деньги, гражданин получает в лице адвоката не квалифицированного, независимого защитника своих нарушенных прав, а квалифицированного, и порой крайне активного и зависимого пособника правонарушителя по отношению к данному лицу, т.к. деятельность и активность адвоката во многом зависит от денежного вознаграждения. Понятно, что

теоретически к адвокату предъявляются повышенные требования в отношении уровня правосознания, высоких моральных качеств, профессионализма и деловитости, умения разрешать спор и владения ораторским искусством. Важно в каком направлении адвокат все эти профессиональные и не совсем профессиональные качества использует, если обладает ими, и главное, насколько он порядочен по отношению к клиенту и к себе.

В систему органов защиты прав человека и гражданина, которую обычно именуют механизмом защиты, в качестве субъектов включены также Президент РФ как главный гарант прав и свобод личности (ст. 80, ч.2), созданный при Президенте РФ Совет по развитию гражданского общества и правам человека, изучающий реальное состояние российского законодательства и правоприменительной практики в сфере прав человека; Правительство РФ, которое призвано всячески обеспечивать реализацию и содействие в создании гарантий прав человека (ст. 114, п. «е»); в последнее время созданный и заслуживший признание институт Уполномоченного по правам человека в РФ, который призван способствовать защите нарушенных прав человека.

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод о том, что все названные нормы в полном объеме относятся и к защите прав несовершеннолетних граждан, по причине того, что судебный порядок защиты прав и свобод гарантируется каждому гражданину Российской Федерации (ст. 46). Данное конституционное положение, которое следует относить ко всем гражданам, в независимости от возраста, закреплено и гарантируется в плане обеспечения текущим законодательством. Судебный порядок защиты прав ребенка имеет ряд неоспоримых положительных признаков, таких как открытость, состязательность, публичность, возможность привлекать к рассмотрению спора самого несовершеннолетнего в определенном возрасте, рассмотрение практически неограниченного круга проблем и вопросов, особенно при рассмотрении семейных прав детей. Следует заметить однако, что судебная защита прав детей осуществляется в прямой и косвенной форме.

Говоря о прямой форме судебной защиты, следует обратить внимание на решение проблем, которые связаны с семейным воспитанием, например: лишение родителей родительских прав (п. 1 ст. 70 СК РФ); восстановление в родительских правах (п. 2 ст. 72 СК РФ); определение места жительства детей при раздельном проживании их родителей (п. 3 ст. 65 СК РФ); осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (п. 2 ст. 66 СК РФ) и др.

В свою очередь косвенная защита права ребенка в семье осуществляться не только на основе семейного законодательства (взыскание алиментов, установление отцовства), но и на основе иных отраслей законодательства, таких как гражданское, административное, уголовное, трудовое и т.д. с учетом того, что перечень косвенно защищаемых прав в судебном порядке исчерпывающим не является.

Говоря о средствах судебной защиты прав ребенка, следует упомянуть также и об органах опеки и попечительства и их деятельности в решении спорных проблемных семейных ситуациях, которые могут быть связаны с воспитанием детей. Следует помнить о применении принципа учета мнения самого ребенка при решении споров его жизни и деятельности, а также об участии педагогов, психологов, правозащитников в этом процессе. Обращаем внимание на то, что, если защита прав ребенка в судебном порядке касается случаев нарушения его прав в семье, или когда возникает спор о воспитании ребенка, то большая часть объема защиты прав ребенка, особенно того, который утратил родителей, входит прежде всего в сферу дея-

тельности органа опеки и попечительства. Особое место в настоящее время занимает институт Уполномоченного по правам ребенка, а также деятельность Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Существует ряд проблем, связанных с реализацией гражданско-процессуального статуса ребенка. В этом плане следует заметить, что на основании п.1.ст.13 Конвенции о правах ребенка, семейное законодательство России посредством ст.57 Семейного кодекса РФ предоставляет ребенку право выражать свое мнение, когда вопрос касается разбирательства любого вопроса в семье, если последний каким-то образом затрагивает его интересы, кроме случаев, когда это противоречит интересам самого ребенка. А кто и как может оценить, *что* в интересах ребенка, а *что* противоречит этим интересам – это слишком субъективно, чтобы доверять данному положению и почему возраст именно в 10 лет обеспечивает ребенку обязательный учет его мнения?

По мнению автора, для судебных органов как одной из самых универсальных форм защиты прав ребенка, крайне важно определить оптимальные пути решения проблемы максимального обеспечения личных прав осужденных несовершеннолетних.

В ряде субъектов РФ суды вводят производство предварительного расследования и судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних для учета и реализации определенных особенностей, с целью обеспечения большей защиты прав и интересов несовершеннолетних и даже создают специализированные судебные составы по делам несовершеннолетних судов общей юрисдикции. В качестве примера можно привести Ростовскую область, где в Таганрогском городском суде (2004 г.), Шахтинском городском суде (2005 г.), Егорлыкском районном суде (2006 г.) и Азовском городском суде (2010 г.) функционируют таковые.

Мнение самих представителей правосудия в России не однозначно, а именно: одна часть судейского корпуса взывает к созданию ювенальных судов; другая его часть считает реальным реализацию в судах общей юрисдикции принципа специализации судей по делам с участием несовершеннолетних; третьи полагают, что можно использовать схему создания при необходимости специализированных судебных составов по делам о преступлениях и правонарушениях несовершеннолетних; четвертые – уверены в том, что любое дело с участием несовершеннолетнего должен рассматривать опытный профессионал.

Позволим себе заметить, что с учетом того, что содержание и обеспечение прав и интересов ребенка носит комплексный характер, то и защита этих прав и интересов ребенка должна включать, не только судебную и административную формы, но еще и различные общественные и гуманитарные институты, деятельность которых направлена на обеспечение гарантий в реализации и защите прав ребенка.

Если попытаться рассматривать названную сферу интересов в различных государствах мира, то следует заметить, что изначально не решен вопрос относительно понимания содержания термина «ребенок», определения возраста несовершеннолетия, при том, что данная проблема определения, когда ребенок становится взрослым человеком, вызывает трудности и со стороны физиологов, и со стороны психологов, и со стороны юристов.

Юристы обычно ссылаются на дееспособность при определении правового статуса лица, указывая на ст. 1 Конвенции о правах ребенка 1989 г. [5], участницей которой Россия является, где четко закреплена норма о том, что «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, *если по закону,*

применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее». И сразу же возникает проблема, основанная на противоречии международного права и национального закона, порожденная существующими большими различиями разных государств в сферах: уровня культуры; вопросов религии; политических и правовых систем, что объективно предполагает невозможность точного определения понятия «ребенок», и как результат – неудовлетворенность заинтересованных сторон.

Если проанализировать международно-правовые акты на предмет отношении их к семье, то увидим, что каждое государство-участник международных договоров по правам человека само должно определять, какими методами, способами и мерами будет осуществляться поддержка ребенка в семье и самой семьи и какие обязательства в данной сфере берет на себя государство, именно по этой причине различного построения семейно-брачных отношений, европейская, американская и российская модели различаются между собой в процессе взаимоотношений индивида и государства.

Если обратиться к тексту Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. [1], то в ч. 2 ст. 25 читаем: «Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой». Если обратить внимание на то, что ст.24 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [6] указывает на право каждого ребенка без какой-либо дискриминации на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства. По мнению автора, оба документа обращают наше внимание на природное происхождение неотъемлемых прав и свобод человека, таких как право на жизнь, достоинство, личную неприкосновенность, надлежащее обращение, семью, исходя из чего напрашивается вывод о том, что правоспособность ребенка связана с моментом его рождения и не зависит от мнения родителей, что в свою очередь указывает на приоритет прав ребенка по отношению к родителям.

Понятно, что в России по-прежнему развита модель, основанная на роли, которую играла семья исторически для своих детей, т.е. общинной и социальной; российская семья построена на прочном фундаменте традиций и ценностей, которые развиваясь и совершенствуясь, передавались из поколения поколению.

Современные ученые и демографы считают, что в России уживаются различные тенденции отношений между семьей и государством, а именно: одна из них основана на доктрине «государства всеобщего благосостояния» [10], которая была достаточно хорошо на протяжении длительного периода усвоена населением, и которая не исчезла до настоящего времени, при том, что вторая модель основана на разделении частной сферы – семьей и публичной – государством, когда семья самостоятельно обеспечивает ряд проблемных вопросов, взяв их решение у государства. Вполне возможно, что с учетом изменившихся условий существования семьи, с учетом современных идеологических воззрений в отношении семьи и семейного воспитания, следует, вобрав все лучшее из обеих моделей, создавать новую, но традиционно привязанную к воспитанным веками семейным ценностям модель российской многонациональной семьи.

По мнению автора, следует обратить также внимание на принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1986 г. Декларацию о социальных и правовых принципах [3], в которой освещены вопросы защиты и благополучия детей вообще; вопросы защиты детей, переданных на воспитание или усыновление как на национальном, так и на международном уровнях, которая провозглашает ряд общих принципов во взаимоотношениях семьи и государства в сфере воспитания и безопасности детей. Со-

гласно названной Декларации каждое государство-участник обязано уделять внимание гарантиям благополучия семьи и ребенка, заметив, что благополучие ребенка состоит в благополучии его семьи (ст. 2). Большое внимание в Декларации отводится самой семье и ответственности родителей за заботу и воспитание в семье детей, а именно: забота о ребенке принадлежит прежде всего его родителям (ст. 3); и только при отсутствии или ненадлежащей заботе семьи на государство ложится обязанность по обеспечению ему опекунов, усыновителей, воспитателей из другой семьи или специальных детских учреждений (ст. 4), по все это с учетом первоочередного обеспечения интересов ребенка (ст. 5). Интересна ст. 7, которая предоставляет право государству самому определять эффективность национальных служб в вопросах заботы о детях и обязывает его принимать в случае необходимости соответствующие меры.

Если проанализировать систему названных международных актов в сфере защиты прав человека и ребенка, то становится объективно видимым достаточное количество принципов и норм для регулирования общественных отношений в названной сфере. Проблема кроется в том, что все перечисленные нормы являются хотя и элементом международного права, но при этом носят *рекомендательный характер*, а значит в не создают обязанности для государств-участников по их неукоснительному исполнению, являясь в то же время основой для защиты детей. Создается ситуация, когда есть нормы, но будут ли они регулятором отношений в национальном праве, зависит от личности руководителей государства и чиновников различных ведомств. Остается только надеяться на порядочность и благоразумие в плане применения названных принципов и норм в современной правоприменительной практике к семейным и иным отношениям, которые уже сложились уже в российском обществе.

Несколько слов на примере Российской Федерации о несистемном регулировании существующим законодательством данной сферы и противоречий ряда актов друг другу. Например, 2 ч. 1 ст. 64 Семейного кодекса РФ [11] гласит, что родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий. Как реализовать данную норму на практике, если эти самые родители или опекуны недостаточно информированы в плане юридического образования, испытывают недостаток материальных средств для существования, не способны по состоянию здоровья или просто злоупотребляют спиртными напитками и наркотиками принимать адекватные меры по защите прав своих детей? Имеют место быть случаи, когда сами родители и опекуны действуют вопреки интересам собственных детей и тогда приходится защищать детей от этих законных представителей, которые не исполняют возложенные на них обязательства. Тревожно становится после изучения официальной статистики, где указывается сколько детей возрасте до 14 лет ежедневно избивается родителями, иногда это заканчивается смертью. А еще есть педофилия, детская проституция и иные страшные ситуации, в которых оказываются несовершеннолетние по вине своих родителей или иных взрослых. Куда пойти ребенку и от кого он сможет получить реальную помощь?

Общеизвестно, что в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [12] юридическое сопровождение ребенка адвокатом с момента поступления сообщения в соответствующие органы о нарушении его прав до момента вынесения решения суда **не** предусмотрено. Согласно ст. 26 указанного Федерального закона существует закрытый перечень лиц, имеющих право на бесплатную юридическую помощь, в котором нет несовер-

шеннолетнего, нуждающегося в помощи и не имеющего возможность нанять адвоката для защиты своих прав, а факт отсутствия бесплатной профессиональной юридической помощи ребенку следует расценивать как откровенное ущемление его интересов (*вспомните американских супругов Лещински, которые для доказательства своей невиновности наняли целую команду адвокатов*).

Как можно реализовывать принцип состязательности в процессе, если с одной стороны команда профессионалов, а с другой беззащитный ребенок. В данной ситуации уместно говорить и о несогласованности органов государственных и общественных структур в сфере реализации и защиты прав детей между собой в решении детских проблем, а также просматривается и недостаточный уровень правовой культуры в их взаимоотношениях. Так, например, ребенок, чьи права и интересы нарушены, теоретически имеет возможность непосредственного обращения в попечительные органы или суд, но на практике при существующей низкой правовой культуре не только дети, но и взрослые, не зная своих прав, способов и институтов их защиты, никуда не могут или не хотят обратиться, что означает лишь одно – права ребенка остаются незащищенными.

В социуме создается ситуация, при которой защита прав и интересов детей зависит и от родителей, и от социальных служб, и от государственных органов, которые не могут обеспечивать квалифицированную юридическую помощь сами и не могут информировать о возможности защиты прав несовершеннолетних их законных представителей.

Названную ситуацию Д.А. Медведев озвучил в 2008 году, выступая на Всероссийском съезде судей [2], где он сказал, «что большинство наших граждан по-прежнему плохо разбираются в том, куда обращаться, что делать, как составить грамотное исковое заявление, как защитить свои права в судебном процессе. И отсюда естественное ощущение беззащитности перед судом, как правило, именно из-за своей правовой неосведомленности и в силу недоступности адвокатских услуг».

Некоторые положительные моменты имеют место быть в этом плане в Ставропольском крае. Так на основании ст.4 Закона Ставропольского края «О дополнительных гарантиях защиты прав несовершеннолетних, признанных потерпевшими в рамках уголовного судопроизводства» [4], оказание юридической помощи несовершеннолетнему на всех стадиях уголовного судопроизводства осуществляется адвокатом на основании обращения комиссии по делам несовершеннолетних в адвокатскую палату Ставропольского края, юридическую помощь несовершеннолетние получают бесплатно, а оплата труда адвокатов, представляющих интересы несовершеннолетних, осуществляется за счет средств бюджета Ставропольского края...

В ст. 5 Закона прямо указывается на механизм координации в деятельности и контроле при реализации мер социальной поддержки несовершеннолетних и возлагает эти обязанности на Уполномоченного при Губернаторе Ставропольского края по правам ребенка.

Из вышесказанного понятно, что реализация и обеспечение защиты прав ребенка как на национальном, так и на международном уровнях осуществляется в самых различных формах, посредством различных механизмов, при наличии созданных и создаваемых всевозможных органов и организаций; в системе названных институтов существует достаточное число объективных и субъективных факторов и причин, влияющих на эффективность данного механизма. По мнению автора одна из проблем, возможно даже основная, заключается в том, что международные нормы носят

зачастую рекомендательный характер, отсутствие достаточного уровня правовой культуры чиновников, общественников, родителей и самих несовершеннолетних, а также непрофессиональная деятельность соответствующих органов в сфере защиты прав детей, частичная отстраненность их от реальной жизни, от факта нарушения конкретных прав конкретных лиц.

Обнадёживает то, что в последнее время и в стране и в мире государства стали уделять больше внимания правам ребенка, о чем свидетельствуют Послания Президента РФ Федеральному Собранию 2008 [7], 2010 [8], 2014 [9] гг. и это нарастающее внимание общества и руководства страны к проблемам защиты прав человека в целом, прав детей – в частности, может стать со временем силой, которая в свою очередь повысит эффективность существующих механизмов защиты прав человека.

Библиографический список

1. Всеобщая Декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/.
2. Выступление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева на Всероссийском съезде судей 2 декабря 2008 г. // <http://www.ssrp.ru/page/847/detail/>.
3. Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях. Принята резолюцией 41/85 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1986 г. // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childpri.shtml.
4. Закон Ставропольского края от 11 ноября 2010 г. № 94-КЗ "О дополнительных гарантиях защиты прав несовершеннолетних, признанных потерпевшими в рамках уголовного производства" // <http://nova.rambler.ru/search?query>.
5. Конвенции о правах ребенка 1989 г. // Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах // Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.
7. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968>.
8. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 г. // Парламентская газета, 2010, 3 дек. // <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/99799/>.
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 г. // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774/.
10. Родина М.Е. Международно-правовые механизмы защиты детей // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института». – 2013. – № 3 (7) // <http://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-mehanizmy-zaschity-detey>.
11. Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982
12. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // <http://base.garant.ru/12126961/#help>.

Т.Ж.Жунусканов*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО КАК УСЛОВИЕ ДЕБЮРОКРАТИЗАЦИИ СИСТЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

***Аннотация.** В статье на примере России и Казахстана рассматривается влияние политико-территориальной организации государственной власти на систему конституционного законодательства. Сравнительно-правовое исследование Конституции, конституционного законодательства, других нормативных правовых актов и судебной практики позволяет делать выводы о том, что форма государственного устройства определяет меру централизации и децентрализации власти, монополию политической власти на важнейшие общественные отношения, контроль над обществом, а также влияет на форму и содержание права.*

***Ключевые слова:** конституция, общество, государство, право, государственное устройство, политика.*

THE STATE SYSTEM AS A CONDITION DE-BUREAUCRATIZATION OF THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL LAW: FOR EXAMPLE, THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

***Summary.** In an article on the example of Russia and Kazakhstan, is considered the influence of the political and territorial organization of state power in the system of constitutional law. A comparative legal study of the Constitution, constitutional laws, other normative legal acts and judicial practice allows to draw conclusions about what form of government determines the extent of centralization and decentralization of power, a monopoly of political power on the most important public relations, control over society, but also influences the form and content of the right.*

***Keywords:** Constitution, Society, State, Right, State system, Policy.*

Государственное устройство как важный научно-юридический термин в науке и на практике представлен по-разному. На законодательном уровне он вообще отсутствует. Например, в гл. 3 Конституции Российской Федерации сформулированы лишь признаки и цели федеративного государства: федеральная Конституция и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации, наличие двойного гражданства, двухпалатного парламента, разграничение предме-

* **Жунусканов Толыбек** – аспирант кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург), адвокат Костанайской областной коллегии адвокатов Республики Казахстан. E-mail: zhunuskanov_t@mail.ru

тов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов и т.д. Отдельно выделены признаки государственности республик: территория, конституция, язык, гражданство, система конституционного законодательства, система органов государственной власти, законодательство и др., – тем и отличаются от автономных краев, автономных округов, краев, областей, городов федерального значения, которые представляют государственные образования, имеющие некоторые признаки государственности (территорию, устав, законодательство, систему органов государственной власти и т.д.).

Таким образом, в составе Федерации республики имеют разнородные системы органов государственной власти, отличающиеся формами правления. В частности, Республика Тыва является парламентской республикой. Законодательную (представительную) власть осуществляет Верховный Хурал (парламент) Республики, обладающий исключительными полномочиями по изменению и дополнению Конституции, конституционных законов и законов Республики и осуществляющий контроль за их исполнением [1, с. 2].

Другие республики в составе Российской Федерации имеют президентские (Татарстан, Башкортостан, Чувашия и др.) и парламентско-президентские (Карелия, Коми и др.) формы правления. Республики Российской Федерации являются полноправными субъектами, то есть национальными государствами. Тем не менее вопросы равноправия республик в составе Российской Федерации вызывают разные споры. Об этой коллизии права не существует единого мнения, в том числе и в науке, не разрешена она и на законодательном уровне.

На практике для разъяснения этих крайне спорных проблем делаются ссылки на Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы [2, с. 3], федеральные законы [3, с. 3], договоры между органами государственной власти автономного округа и органами государственной власти области (края) и судебную практику [4, с. 3]. Хотя и они не разрешили возникшие разногласия по правопреемству и распределению полномочий между указанными субъектами.

Так, в соответствии со статьей 11 Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» в результате референдумов по вопросу об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации, проведенных в Красноярском крае, Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе и Эвенкийском автономном округе 1 января 2007 г., был образован новый субъект Российской Федерации – Красноярский край [5, с. 3]. Данное объединение трех самостоятельных субъектов Российской Федерации в один край вызвало много вопросов об организации территориальной власти двух субъектов на территории третьего, нового субъекта, которые не разрешил ни Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», ни договор между названными субъектами Федерации.

Данная проблема также не урегулирована и в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области», из текста которого следует, что «включение территории автономного округа в состав территории края, области не означает, что автономный округ утрачивает свою территорию и она поглощается краем, обла-

стью. В правовом смысле территория определяет прежде всего пределы распространения властных полномочий различного уровня и характера. На одной и той же территории функционируют федеральная власть, власть субъектов Российской Федерации, власть местного самоуправления нескольких уровней, что, соответственно, обуславливает разграничение их полномочий. Из этого следует, что, несмотря на вхождение автономного округа в состав края или области, автономный округ не считается административно-территориальной единицей края или области, а сохраняет свой национально-правовой статус, то есть остается равноправным субъектом Российской Федерации. В таком многообразии положений Конституции, законов и договоров между субъектами функционирует система конституционного законодательства Российской Федерации и ее субъектов.

Казахстан согласно ее Конституции является унитарным государством с президентской формой правления. Территория разделена на административные единицы, на которых созданы органы государственной власти без каких-либо автономных образований (гл. 2 Конституции Республики Казахстан).

По мнению казахстанского ученого С.Г.Сапаргалиева, «Президент Республики Казахстан является единственным субъектом конституционной инициативы. Право Президента Республики Казахстан вносить в Парламент или на референдум проект изменений и дополнений в Конституцию есть особое, специальное право, обусловленное его положением как главы государства, выступающего от имени народа и государства. Это содержательное право, поскольку сам Президент Республики Казахстан определяет содержание вносимых на рассмотрение Парламента или на референдум изменений и дополнений в Конституцию» [6, с. 55-56].

Наши доводы можно подкрепить нормами ст. 91 Конституции Республики Казахстан [7, с. 4] и ст. 18 Указа Президента Республики Казахстан, имеющего силу конституционного закона, от 2 ноября 1995 г. «О республиканском референдуме» [8, с. 4], в которых говорится, что «решение о назначении референдума выносится Президентом республики путем издания соответствующего указа, в котором устанавливается формулировка выносимого (выносимых) на него вопроса (вопросов)». Поэтому автор убежден, что «конституционное законодательство говорит однозначно о наличии у Президента права конституционной инициативы. Наличие только у Президента права конституционной инициативы служит основой стабильности Конституции» [9, с. 56]. Из этого следует, что Президент Республики Казахстан единолично устанавливает формулировки выносимых на республиканский референдум вопросов, касающихся изменений и дополнений в Конституцию.

Если тексты законов, на которые сделаны ссылки, читать буквально, то подобные подходы противоречат требованиям нормы 3 Конституции Республики Казахстан, где предписано, что «народ осуществляет власть непосредственно через республиканский референдум и свободные выборы», и норм пункта 3 ст. 5, пункта 2 ст. 18 Конституционного закона Республики Казахстан «О республиканском референдуме», согласно которым «граждане участвуют в референдуме непосредственно. Президент Республики с согласия инициаторов референдума до его проведения вправе уточнить формулировку вопроса (вопросов), выносимого (выносимых) на референдум, для более точного выражения волеизъявления его инициаторов».

Как видим, для вынесения вопроса (вопросов) на референдум все-таки требуется согласие инициаторов, в том числе и граждан. Однако в вышеназванном конституционном законе имеется норма, предписывающая, что «право назначения ре-

ферендума принадлежит Президенту» (ст. 10 КЗ). Таким образом, диспозитивные нормы статей 10 и 18 Конституционного закона Республики Казахстан дают повод пользователям права по-иному толковать и разъяснять императивные предписания нормы пункта 2 статьи 4 и статьи 91 Конституции, согласно которым «Конституция РК имеет высшую юридическую силу на всей территории Республики, применяется непосредственно. Все равны перед законом». Схожие положения встречаются и в законодательстве Российской Федерации, в частности, одним из ключевых субъектов законодательной инициативы является Президент Российской Федерации. В российской литературе высказано сомнение в обоснованности наделения Президента Российской Федерации этим правом.

Во-первых, согласно части 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации обладает правом законодательной инициативы и обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие всех органов государственной власти (ст. 80). И если он вносит законопроект от своего имени, то тем самым как бы оказывает давление на другие органы, вынуждая их согласиться с его вариантом решения данной проблемы.

Во-вторых, Президент Российской Федерации должен подписывать и обнародовать законы. На этом этапе они получают его оценку и одобрение. Внося законопроект, Президент как бы освобождает себя от последующего выполнения названной функции. Наложение им вето на такой закон, поступивший из палат Федерального Собрания Российской Федерации, будет вообще несурзацей.

В-третьих, Президент Российской Федерации при желании может поручить Правительству Российской Федерации осуществление права законодательной инициативы, поскольку согласно Конституции Российской Федерации оно полностью зависит от Президента [10, с. 6].

На нашем примере видно влияние формы государственного устройства на содержание Конституции и основанную на ней систему конституционного законодательства. Причина в том, что в обоих случаях приведенные ситуации обусловлены издержками системы конституционного законодательства, так как форма государственного устройства определяет меру централизации и децентрализации власти, монополию политической власти на важнейшие общественные отношения, контроль над обществом.

Государство в зависимости от формы территориального устройства политико-правовыми средствами и методами воздействует на содержание конституционного законодательства, которое служит стержнем Конституции. И, наконец, именно через конституционное законодательство государство устанавливает систему государственных органов и основу власти, организационно-правовой статус всех институтов, в том числе общественных объединений, порядок участия граждан в управлении делами общества и государства. То есть через него осуществляется управление членами общества, обустройство государства и его аппарата.

Хотя известно, что провозглашение курса на построение правового государства, демократических институтов всегда начинается с принятием Конституции, которая заканчивается обновлением всего законодательного массива, отменой старых норм, принятием новых. Здесь возникает вопрос: «Почему конституционное законодательство на особом контроле?».

Дело в том, что, во-первых, конституционное законодательство и его ядро – Конституция – определяют практически все компоненты общественного строя

и функционирование государственного аппарата, а также способствуют их развитию. Регулируя наиболее важные общественные отношения, оно выступает как правовая основа развития всех остальных отраслей права и законодательства и обеспечивает их единство и взаимосогласованность. Через его нормы государство контролирует, поддерживает и балансирует развитие общества (о чем не подозревают граждане) и институтов власти, устанавливает господство права либо создает условия для деперсонализации власти или бюрократии.

М.М. Сперанский отмечал, что «если бы государство могло быть одно на свете, и составлено было из людей равно мощных или равно справедливых, тогда не было бы никакой нужды в правительстве, тогда каждый наслаждался бы в совершенной независимости личными своими силами, произведением своего труда и степенью своего в обществе уважения» [11, с. 7], но к подобной общественно-экономической формации, где индивиды, члены общества и само государство представляли бы «единый и цельный социальный организм» [12, с. 7], современное государство и общество еще не готовы.

Если подойти к термину «государство» более точно, то это понятие не сложное, характеризуется известными специфическими формами, признаками и принципами. Прежде всего это властеотношения, поскольку через нормы закона «слабый» безоговорочно подчиняется «сильному». Его целью или вершиной социального развития является политическая власть, верховенство над обществом, характеризующееся использованием в случае неповиновения возможности государственного принуждения, в демократическом государстве основанного на законе.

Неслучайно закон рассматривался классиками марксизма (да и сегодня) как средство осуществления целей государственной власти, и в этом смысле, отражая природу власти в целом, он может содействовать прогрессивному общественному развитию либо препятствовать ему и тормозить его. В.И. Ленин, развивая марксистские положения о роли права и закона в обществе, всесторонне верно охарактеризовал социально-политическую природу закона. Ему принадлежит классическая формулировка: «Закон есть мера политическая, есть политика» [13, с. 8].

И поскольку политика разрабатывается с помощью власти и ее институтов, осуществляется благодаря ей и для ее блага, закон всегда должен быть обеспечен (обеспечивается) всей силой государства, власти. Хотя известно, что «государство и правительство имеют право на существование только в том случае, если они служат человеку и защищают его интересы» [14, с. 8]. Однако в ходе осуществления функции власти «содержание права может быть искажено» [15, с. 8], что ныне имеет место. В этой связи, к примеру, И.А. Ильин писал: «Каждому народу на каждом этапе своего развития должна быть свойственна своя, особая, индивидуальная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых форм и конституций. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может быть гибельным» [16, с. 8].

Эмпирические показатели говорят о том, что Казахстан можно отнести к полумонархической (дуалистической) республике, поскольку в содержании Конституции и конституционного законодательства наблюдается синтез «царской власти, аристократии и власти народа» [17, с. 8]. Во-первых, на Конституцию и основанное на ней законодательство заметно повлияли англо-французская доктрина и практика [18, с. 8]. Во-вторых, сами по себе нормы Конституции недостаточно полно регулируют конституционно-правовые отношения, где положения Конституции реализуются исключительно через нормы иных нормативных правовых и подзаконных ак-

тов [19, с. 8]. В-третьих, основным блоком регулирования Конституции являются правовые положения и порядок функционирования органов власти. В-четвертых, в Конституции и конституционных законах прописан институт контрасигнатуры [20, с. 8] и т.д. То есть отношения и институты, связанные с деятельностью государственной власти в обществе, составляют в совокупности политическую систему.

В.С. Нерсисянц справедливо отмечает, что и спустя два с половиной тысячелетия приходится констатировать: многие люди и образуемые ими народы еще так и не завершили, говоря словами Аристотеля, генезис своей политической и правовой природы, который на современном языке называется «правовым государством», «господством права», «правами и свободами человека и гражданина» [21, с. 9].

История существования государства свидетельствует о том, что во все века разные государства отличались друг от друга внутренним строением, способом территориального деления (административно-территориальные единицы, автономные политические образования, государственные образования, обладающие суверенитетом), а также степенью централизации государственной власти (централизованные, децентрализованные, организованные по принципу демократического централизма). Все выше перечисленные явления в современной юридической теории принято объединять в один термин – «форма государственного устройства». Так, к примеру, Ш.Монтескье считал, что устройство государства должно обеспечивать политическую свободу граждан, а также справедливость и устойчивость политической системы [22, с. 9].

В целом форме государственного устройства как элементу формы государства посвящено значительное количество трудов и исследований, написанных как учеными и юристами, так и политологами. В последнее время появилось множество статей по проблемам федерализма, однако статьи об актуальных проблемах унитаризма встречаются крайне редко. А если таковые есть, то в них практика применения законодательства изложена противоречиво, иногда научные исследования проходят без учета практики. Ученых и диссертантов, да и просто юристов больше интересуют вопросы о статусе современных федераций, о роли субъектов, их взаимосвязи между собой и с федеральным центром или унитаризма в общеизвестной форме либо о конституционном законодательстве в отдельно взятой стране. Однако и при таком количестве работ нет единого мнения о конституционном законодательстве федеративного государства, о взаимоотношениях субъектов Федерации между собой и с федеральным центром, о его источниках и структуре, а о системе конституционного законодательства унитарного государства имеются единичные работы.

Что касается внутреннего содержания формы права как источника, в том числе конституционного законодательства, то они еще не были предметом конкретного обсуждения и исследования ни на практике, ни в науке, в сравнительно-правовом исследовании также отсутствуют. Потому как в теории, так и на практике для обоснования наибольшего «веса» нормативных правовых актов предпочтение отдается их внешней форме, по ним определяются иерархическая структура и источники законодательства, говорится о высшей юридической силе Конституции и т.д. Для подтверждения обратимся к практике. Согласно Закону Республики Казахстан «О правовых актах» конституционные законы, регулирующие организационно-правовые вопросы того или иного министерства или ведомства по иерархии выше, чем законодательные акты, регламентирующие права, свободы и законные интересы человека и гражданина (ст. 10 Закона).

По мнению С.А. Комарова, в действительности взаимосвязь государства и права достаточно сложна. А потому соотношение между ними следует проводить под углом зрения анализа их единства, различия и многостороннего воздействия друг на друга. Государство и право неразделимы. Как надстроечные явления они имеют единую социально-экономическую основу, у них во многом одинаковая судьба, они не могут существовать и развиваться друг без друга. Вместе с тем государство и право различаются по своей структуре, способам функционирования и т.п.

Пожалуй, самый важный аспект рассматриваемого соотношения, нуждающийся в обстоятельной научной проработке, это воздействие государства на право и влияние права на государство. Подчеркнем, что только при активном взаимодействии государство и право могут полноценно и эффективно функционировать, приобрести социальную ценность.

Современная юридическая наука считает, что основными сферами воздействия государства на право являются правотворчество и особенно правореализация. Исторический опыт показывает, что государство активно участвует в правотворчестве, однако абсолютизировать его роль в этом процессе нельзя. В такой абсолютизации как раз и заключается коренной недостаток юридического позитивизма.

Государство в буквальном смысле не творит, не создает право, оно юридически оформляет и закрепляет лишь то, что уже созрело в обществе в виде объективных потребностей, притязаний – общественных, правовых и нравственных идеалов и других общезначимых факторов. Но, так или иначе, государство придает праву важные свойства – формальную определенность, общеобязательность [23, с. 11].

Таким образом, можно констатировать, что государство и право – важнейшие факторы общественной эволюции, неперенные спутники современного общества. В данном случае теория государства и права – составная часть обществоведения, идейная основа практической юриспруденции. Это говорит о том, что деятельность государства, принятие и реализация законов, обеспечение прав граждан, поддержание общественного порядка тесно связаны с положениями политико-правовой теории, политико-территориальной организацией государственной власти, в особенности тех, которые отражаются на системе конституционного законодательства. В отдельных случаях политическая составляющая нормы права определяет его иерархию, на что влияет устройство государства. Поэтому право, как и государство, принадлежит к числу не только наиболее важных, но и наиболее сложных общественных явлений. Среди них Конституция должна рассматриваться как фактор стабильности, а когда она несовершенна, то создается угроза превращения ее в дестабилизирующий фактор. То есть надо иметь не заимствованные, а оригинальные Конституции с тем, чтобы создать собственную систему конституционного законодательства. Это и есть основополагающее условие нормального функционирования правового государства.

Библиографический список

1. См. пункт 3 статьи 10, пункт 3 статьи 61, пункт 1 статьи 96, статью 103 Конституции Республики Тыва [текст]: [принята референдумом Республики Тыва 6 мая 2001 г.]: по состоянию на 31 марта 2016 г. // Тувинская правда. 2001. 15 мая.
2. Например, статьи 5, 10, 11 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» в ред. от 31 октября 2005 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ст. 4916; Федеральный конституцион-

ный закон от 14 октября 2005 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 42, ст. 4212; Федеральный конституционный закон от 30 декабря 2006 г. № 6-ФКЗ "Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1. Ст. 1 и др.

3. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Обобщих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

4. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 29. Ст. 3501 и др.

5. См.: Федеральный конституционный закон от 14 октября 2005 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 42. Ст. 4212.

6. Сапаргалиев С.Г. Конституционное право Республики Казахстан: академический курс. Алматы: ЖетіЖарғы, 2002. С. 55-56.

7. Согласно ст. 91 Конституции РК «Изменения и дополнения в Конституцию РК могут быть внесены республиканским референдумом, проводимым по решению Президента Республики, принятым им по собственной инициативе, предложению Парламента или Правительства. Проект изменений и дополнений в Конституцию не вносится на республиканский референдум, если Президент решит передать его на рассмотрение Парламента. Решение Парламента принимается в этом случае в порядке, установленном Конституцией. Если Президент Республики отклоняет предложение Парламента о вынесении на республиканский референдум изменений и дополнений в Конституцию, то Парламент вправе большинством не менее четырех пятых голосов от общего числа депутатов каждой из палат Парламента принять закон о внесении этих изменений и дополнений в Конституцию. В таком случае Президент Республики подписывает этот закон или выносит его на республиканский референдум, который считается состоявшимся, если в голосовании приняло участие более половины граждан Республики, имеющих право участвовать в республиканском референдуме. Изменения и дополнения в Конституцию, вынесенные на республиканский референдум, считаются принятыми, если за них проголосовало более половины граждан, принявших участие в голосовании, не менее чем в двух третях областей, городов республиканского значения и столицы». Также см.: Закон РК от 7 октября 1998 г. № 284 «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» // URL: [www.http://adilet.zan.kz/rus/docs](http://adilet.zan.kz/rus/docs) (дата обращения: 17.08.2016).

8. Указ Президента РК, имеющий силу конституционного закона, от 25 марта 1995 г. «О республиканском референдуме» утратил силу Указом Президента РК, имеющим силу конституционного закона от 2 ноября 1995 г. № 2593 «О признании утратившими силу Указа Президента Республики Казахстан, имеющего силу консти-

туционного закона, от 25 марта 1995 г. № 2151 «О республиканском референдуме». Ныне действует Конституционный закон РК от 2 ноября 1995 г. № 2592 «О республиканском референдуме» в ред. от 4 мая 2008 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1995. № 22, ст. 131.

9. Сапаргалиев Г.С. Там же. С. 56.

10. Дубов И.А. Законодательная инициатива: проблемы и пути совершенствования // Государство и право. 1993. С. 28-29.

11. Сперанский М.М. О коренных законах государства. М., Изд-во Эксмо, 2015. – 544 с.

12. Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 30. С. 99. См. также: Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 7 и др.

13. См.: Ленин В.И. Там же. С. 99.

14. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / под общ.ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М.: Изд-во Норма, 2004. С. 1-17.

15. Цит. по: Нерсисянц В.С. История политических и правовых учений: учебник для вузов. 3-е изд., М.: Изд-во Норма, 2002. С. 418-419.

16. Симонишвили Л.Р. Формы правления: история и современность: учебное пособие. 2-е изд. М., 2011. – 43 с.

17. Симонишвили Л.Р. Там же.

18. По французской модели был создан Конституционный Совет РК, участником которого являются высшие должностные лица государства, перечень которых определен Конституционным законом РК «О Конституционном Совете Республики Казахстан» (пункт 1 ст. 20). По английскому праву создан Международный финансовый центр «Астана» (далее – Центр), действующее право основано на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса. Это специальный суд. Деятельность названного суда противоречит требованию пункта 3 ст. 75 Конституции РК и пункта 1 ст. 3 Конституционного закона РК «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», согласно которым «судебную систему РК составляют Верховный Суд РК, местные и другие суды, учреждаемые в соответствии с Конституцией и названным Конституционным законом. Учреждение специальных и чрезвычайных судов под каким-либо названием не допускается».

19. См., к примеру, пункт 2 Постановления Конституционного Совета РК от 6 марта 1997 г. № 3 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4, пункта 1 статьи 14, подпункта 3) пункта 3 статьи 77, пункта 1 статьи 79 и пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан», в ред. от 8 ноября 2007 г. //URL: <http://www.adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 17.03.2016).

20. Согласно пункту 3 ст. 45 Конституции РК «акты Парламента, подписываемые Президентом Республики, а также акты Президента, издаваемые по инициативе Правительства, предварительно скрепляются соответственно подписью Председателя каждой из Палат Парламента либо Премьер-Министра, на которых возлагается юридическая ответственность за законность данных актов» и др.

21. Цит. по: Нерсисянц В.С. История политических и правовых учений: учебник для вузов. 3-е изд. М.: Изд-во «Норма», 2002, С. 418-419.

22. Монтескье Ш. Избранные произведения. Изд-во «Мысль», 1955. С. 355. См. также: Локк Дж. Сочинения в 3 т. Изд-во «Мысль», 1988. Т. 3. С. 312 и др.

23. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 1998. – 416 с.

В.В.Комарова*

ДЕМОКРАТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОНСТИТУЦИОННО ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ

***Аннотация.** В статье проводится анализ современного состояния конституционного уставного закрепления форм непосредственной демократии в современной России. Анализ проведен по выделяемой группе общественно-политических прав и свобод. Сделан вывод об использовании законодателями субъектов Российской Федерации метода двойного перечня форм прямой демократии – для осуществления государственной власти и местного самоуправления; утверждается идея о расширении форм прямой демократии, закрепленных на уровне конституций и уставов субъектов Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** демократия, непосредственное народовластие, формы прямой демократии, конституции и уставы субъектов Российской Федерации.*

DEMOCRACY IN CONTEMPORARY RUSSIA: THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONSOLIDATION

***Summary.** The article analyzes the current state of the constitutional charter binding forms of direct democracy in modern Russia. The analysis was performed on a group of allocated public political rights and freedoms. It is concluded that the use of the legislature of the subjects of Russian Federation of the double list of forms of direct democracy – for the implementation of state and local authorities; expanding forms of direct democracy enshrined in the Constitution and the Charter of subjects of Russian Federation.*

***Keywords:** democracy, direct democracy, forms of direct democracy, the constitutions of the subjects of Russian Federation.*

В современной науке конституционного и муниципального права авторы считают целесообразным выделять не традиционные политические права, а группу общественно-политических прав и свобод. «К общественно-политическим правам и свободам граждан России, реализуемым в регионах, относятся права на: объединение; манифестации; жалобу (индивидуальную) и петиции (публичные обращения); участие в управлении делами государства; доступ к государственной службе; участие в отправлении правосудия» [8, с. 177].

Анализ действующих сегодня основных законов субъектов Федерации позволяет расширить данный Н.А.Михалевой перечень прав, поскольку перечень корреспондирующих им форм прямой демократии расширяется. Процесс этот обусловлен

* **Комарова Валентина Владимировна** – заведующая кафедрой конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА)», Почетный работник высшего образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. E-mail: vvalentinak@ya.ru

в том числе и правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно формулировавшего наличие интересов жителей муниципальных образований, субъектов Федерации и иных, а также провозглашавшего демократические институты конституционными ценностями, способными выявить и достичь общий интерес [2, с. 143; 3, с. 1385]. Законодатели конституций и уставов субъектов Федерации используют метод двойного перечня форм прямой демократии, общественно-политического участия, отдельно для осуществления государственной власти, отдельно – для местного самоуправления. Примером наиболее полного закрепления может стать ст. 68 Устава Брянской области [10], закрепившая перечень форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления.

Так, в Брянской области население непосредственно осуществляет местное самоуправление и участвует в его осуществлении через: местный референдум по вопросам местного значения; муниципальные выборы; голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления; голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; сход граждан для решения вопросов местного значения; правотворческую инициативу граждан по вопросам местного значения; территориальное общественное самоуправление; публичные слушания для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения; собрание граждан для обсуждения вопросов местного значения; конференцию граждан (собрание делегатов); опрос граждан; индивидуальные и коллективные обращения граждан в органы местного самоуправления; иные формы, не противоречащие Конституции Российской Федерации, федеральным законам, законам Брянской области.

В ст. 4 Устава Ивановской области закреплены только формы участия населения в управлении делами: «Граждане и их объединения вправе: обращаться в органы государственной власти и органы местного самоуправления Ивановской области; принимать участие в разработке нормативных правовых актов органов государственной власти Ивановской области; осуществлять гражданский контроль деятельности органов государственной власти Ивановской области» [11].

Согласно Уставу Московской области на ее территории обеспечиваются и гарантируются правовые институты демократии, включающие: общероссийский, областной и местный референдумы; систему выборов депутатов и должностных лиц; гражданскую инициативу; народное обсуждение. По решению законодательного органа государственной власти Московской области вопрос, отнесенный к ведению субъекта, может быть вынесен на консультативный референдум, результаты которого имеют рекомендательный характер. Органы государственной власти Московской области вправе выносить важнейшие вопросы социально-экономического развития и проекты нормативных правовых актов Московской области на областное народное обсуждение.

Институт обсуждений в конституциях и уставах субъектов Федерации стал закрепляться недавно.

Ускорение развитию этой формы демократии и, как следствие, закрепление ее в конституциях и уставах субъектов Федерации дал федеральный законодатель. По мнению автора, именно Указы Президента Российской Федерации подтолкнули к внедрению общественного обсуждения проектов законов и подзаконных актов

[12]; обсуждению общественных инициатив в электронной форме (проект "Российская общественная инициатива", порталы "Электронная демократия" в субъектах Российской Федерации) [13].

Эту форму народовластия закрепляют в своих конституциях и уставах такие субъекты Федерации, как Амурская, Воронежская, Иркутская, Омская, Кемеровская, Томская, Тульская области, Кабардино-Балкарская Республика и некоторые другие.

Согласимся с мнением В.А.Кряжкова в том, что «общественное обсуждение проектов законов, иных нормативных правовых актов и важных решений – особый вид государственно-правовых отношений, возникающих между органами публичной власти и гражданским обществом в связи с нормотворчеством, в рамках которых гражданам (их представителям, объединениям) официально предлагается в установленном порядке выразить свое мнение (внести предложение, замечание, дополнение) по поводу разрабатываемых указанными органами правовых актов для последующего его учета при принятии соответствующего закона, иного нормативного правового акта или важного решения» [7, с. 17].

Отметим, что в Конституции Республики Алтай (ст. 147) закреплен институт обсуждения как элемент, стадия ее принятия: «...после обсуждения ее народом принимается Государственным Собранием – Эл Курултай Республики Алтай большинством голосов не менее двух третей от установленного числа депутатов Республики Алтай» [14].

Анализ регионального законодательства показал, что подобные обсуждения нормативно признаются в качестве элемента нормотворческого процесса на уровне уставов (основных законов) в таких областях, как Калужская (ст.10), Нижегородская (ст.9) и Омская (ст.36).

Одной из форм проявления общественно-политической активности в субъектах Федерации без сомнения, может быть назван **опрос**, который закреплен в конституциях и уставах таких субъектов Федерации, как Республика Алтай, Иркутская, Омская, Кемеровская области и некоторые другие.

Одна из новых, но закрепляемых в конституциях и уставах субъектов Федерации форма прямой демократии – **публичные слушания**. Собственно, как форма непосредственного осуществления гражданами местного самоуправления публичные слушания закреплены в уставах Иркутской, Калужской, Магаданской, Мурманской областей.

В Уставах Красноярского (ст.156) [15] и Приморского краев (ст. 61) [16], Амурской (ст. 65) [17], Московской (ст. 91), Орловской (ст. 36.), Тамбовская (ст.82, 100) областей закреплено, что по проекту краевого бюджета и проекту годового отчета о его исполнении проводятся публичные слушания. В Московской области общественные слушания названы основными источниками информации населения области наравне с областными и местными средствами массовой информации.

Особое внимание уделяется вопросам, выносимым для обсуждения на публичные слушания в субъектах Федерации. Поскольку это форма осуществления государственной и муниципальной власти, тематика слушаний содержит как конкретные вопросы, так и общие формулировки.

Не впадая в восхваление института, и не разделяя мнение, что публичные слушания позволяют придать большую легитимность принимаемым публично-властным решениям [9, с. 12], отметим их как форму прямой демократии, способствующую достижению общественного согласия.

Традиционное право на обращение в научных трудах обозначается термином «петиция» (не закрепленным в федеральном законодательстве об обращениях), им называют коллективное обращение в государственные и муниципальные органы власти по общественно значимым вопросам.

Законодатели субъектов Федерации используют в своем законодательстве термин «петиция» как взаимозаменяемое с коллективным обращением понятие в Кемеровской и Курганской областях, Алтайском крае.

Наравне с правом граждан на законодательную инициативу закрепляется право на обращение с петицией в органы государственной власти в Уставе Тамбовской области (гл.10) [18]: «Жителям области обеспечивается право на коллективные обращения с письменными петициями в органы государственной власти области об осуществлении законодательных, исполнительных или судебных мер по важным вопросам, затрагивающим интересы населения области. Органы государственной власти области в пределах своих полномочий в месячный срок рассматривают вопросы, изложенные в петициях, и информируют подавших их граждан о результатах рассмотрения и принятых мерах. Петиция, при наличии под ней не менее трех тысяч подписей граждан, подлежит обязательному рассмотрению на заседании областной Думы или главой администрации области по их компетенции (ст. 48). Областная Дума принимает постановления в том числе по предложениям, поступившим в областную Думу в порядке обращения граждан с петициями (ст. 54)».

В Уставе Томской области (ст. 54) происходит регламентация гражданской законодательной инициативы, однако с использованием термина «петиция»: «Население области осуществляет гражданскую законодательную инициативу путем внесения в Думу от имени не менее чем одного процента от числа граждан, обладающих активным избирательным правом, петиции с предложением о принятии, изменении, признании утратившим силу или отмене закона Томской области и соответствующего проекта закона Томской области». Также жителям области гарантируется право на коллективные обращения в органы государственной власти с письменными петициями об осуществлении законодательных, исполнительных или судебных мер по вопросам, затрагивающим их интересы [19].

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югра термины «коллективное обращение» («петиция») используются для определения формы инициирования проведения опроса (ст. 10 Закона ХМАО от 08.05.1998 г. "О консультативном опросе населения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре") [20].

В Алтайском крае в качестве самостоятельных форм народовластия используются: петиция, коллективное обращение, краевая народная законодательная инициатива.

Отличие между петицией и коллективным обращением, народной инициативой – в круге вопросов и количестве подписей инициаторов, в форме подачи (устной или письменной) и оформлении, по адресату и процедуре.

С одной стороны, анализ законодательства показывает недостаточные основания для выделения особой процедуры «петиций» из обращений и народной инициативы. На искусственное выделение «петиции» указывает тот факт, что цель, поставленная перед петицией, может быть выполнена имеющимися коллективным обращением и народной инициативой. С другой стороны, создание дополнительных механизмов для достижения конкретной цели (как перед петицией) может быть расценено как создание дополнительных гарантий субъективного права на управление делами государства, решения вопросов местного значения.

Дело в том, что существует еще одна форма прямой демократии, сходная с названным (правом граждан на жалобу и петицию, т.е. индивидуальное и коллективное обращение в государственные и муниципальные органы власти), но существенно отличающаяся как в формулировках, так и в механизмах. Речь идет о народной инициативе.

Отметим, что нет единообразия в формулировке и наполнении термина «гражданская инициатива». Используются термины «народная законодательная инициатива» (Устав Мурманской области), «народная правотворческая инициатива» (Конституция Республики Кабардино-Балкария), «краевая народная законодательная инициатива» (Устав Алтайского края), «краевая народная инициатива» (Устав Красноярского края), «народная правотворческая инициатива» (Уставы Амурской, Калужской, Кемеровской, Липецкой областей), «гражданская инициатива» (Уставы Воронежской и Тульской областей), «законодательная инициатива» (Уставы Иркутской, Брянской, Калининградской, Мурманской областей, Конституция Республики Хакасия и др.).

Безусловно, приведение терминологии к одному знаменателю – шаг к унификации и упрощению использования народом этой формы народовластия.

Отметим широкое понимание законодателем Московской области термина «гражданская инициатива», поскольку в Уставе указано, что она может иметь своей целью:

- а) проведение областного или местного референдума;
- б) внесение в органы государственной власти и местного самоуправления, государственным должностным лицам и должностным лицам местного самоуправления Московской области предложений о рассмотрении и разрешении вопросов, относящихся к их компетенции и затрагивающих интересы населения области;
- г) отставку должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления Московской области.

Аналогичная трактовка гражданской инициативы закреплена в Уставе Воронежской области (ст.10).

Наполнение термина «гражданская инициатива» далеко не всегда происходит так широко, как в Уставе Московской и Воронежской областей. Чаще всего речь идет об инициировании всех нормативных правовых актов или только о законодательной инициативе.

Особо отметим закрепленное в законодательстве субъектов Российской Федерации, в отличие от федерального уровня, право граждан инициировать поправки, пересмотр, изменение Конституции (Устава) субъекта, иногда – возможность предложить проект нового Основного Закона [5, с. 62; 6, с. 1377].

Одним из трансформировавшихся из группы обращений форм наравне с народной инициативой и коллективным обращением является наказ.

В Республике Саха (Якутия) приняты два закона, регулирующих механизм подачи наказов избирателей народным депутатам Республики Саха (Якутия), и отдельно – депутатам представительных органов местного самоуправления и главам муниципальных образований в Республике.

Только как форма осуществления местного самоуправления наказ закреплен в законодательстве Волгоградской области.

В Еврейской автономной области адресатами наказов (предложения жителей области по вопросам, направленным на социально-экономическое развитие области,

повышение уровня и качества жизни населения области, повышение эффективности деятельности государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований области) являются кандидаты в депутаты и избирательные объединения (ст. 2); согласно Закону Ханты-Мансийского автономного округа (ст.2) наказы могут направляться в региональное отделение избирательного объединения или отдельному кандидату из списка.

Отметим эту положительную тенденцию выстраивания правовой взаимосвязи между избирателями и политическими партиями в законодательстве субъектов Федерации с использованием института наказов.

Единство идеи, родственность, лежащая в основе таких форм прямой демократии, как коллективное обращение, петиция, народная инициатива, наказ, позволяет сделать вывод, что все они трансформировались из обращений. Сегодня они различаются между собой по кругу вопросов и количеству подписей инициаторов, по форме подачи (устной или письменной) и оформлению, адресату и процедурам.

На искусственное выделение перечисленных форм указывает тот факт, что цель, поставленная перед ними, может быть достигнута уже имеющимся обращением. С другой стороны, создание дополнительных механизмов для достижения конкретной цели может быть расценено как создание дополнительных гарантий демократичности региональной государственности в Российской Федерации, возврат доверия граждан к закону и действиям государства, к публичной власти. В решении Конституционного Суда РФ, где впервые упомянут принцип поддержания доверия, указаны следующие его требования: сохранять разумную стабильность правового регулирования; не вносить произвольных изменений в действующую систему норм; устанавливать переходный период для адаптации к изменениям правового регулирования [21].

В правовом смысле «механизмы обеспечения доверия – это прежде всего система права и правоприменения» [1, с. 19]. А.Н. Кокотов справедливо отмечает, что доверие соединяется «с осознанием важности институтов контроля и ответственности» [2, с. 17].

Вероятно, увеличение количества форм народовластия в субъектах Федерации на уровне конституций и уставов – формальный признак открывающихся возможностей процесса согласования интересов.

В конституциях и уставах субъектов Российской Федерации в качестве формы и как следствие – корреспондирующего субъективного права названы:

– территориальное общественное самоуправление – в Республике Тыва, Алтайском, Красноярском, Пермском краях, Брянской, Владимирской, Воронежской, Иркутской, Калужской, Магаданской, Мурманской, Московской, Новосибирской, Орловской, Пензенской, Тамбовской, Томской, Тюменской областях, Ненецком автономном округе;

– голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования – Пермского края, Брянской, Ивановской, Иркутской, Калужской, Магаданской областей. Таким образом, по истечении времени можно расширить перечень группы общественно-политических прав, данный Н.А. Михалевой, посредством включения права на народную инициативу, наказ, публичные слушания, обсуждения, территориальное общественное самоуправление, голосование по вопросам изменения границ и преобразования муниципальных образований.

Библиографический список:

1. Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России // Вестник Московского университета. – 2014. – № 1. – С. 19.
2. Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право: монография. – М.: Юрист, 2004. – 192 с.
3. Комарова В.В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «Конституционные ценности»: конституционно-правовой аспект // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 1 (8). – С. 1385-1387.
4. Комарова В.В. Прямая демократия в системе конституционных ценностей // Сборник международной конференции «Демократия как конституционная ценность и международное право» (МГЮА 2-4 апреля 2015 г.). – М., 2015. – С. 4-9.
5. Комарова В.В. Учредительная власть: теория и механизм ее реализации // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 4 (35). – С. 61-64.
6. Комарова В.В. Учредительная власть и Основной Закон // LexRussica. – М.: Изд-во МГЮА. – 2013. – № 12. – С. 1374-1382.
7. Кряжков В.А. Общественное обсуждение проектов законов и иных важных решений в Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы // Журнал конституционализма и прав человека. – 2013. – № 1. – С. 17-23.
8. Михалева Н.А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2013. – 366 с.
9. Очеретина М.А. Публичные слушания в конституционном праве Российской Федерации // дис. ...канд.юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – 228 с.
10. Устав Брянской области от 20.12.2012 № 91-3 (ред. от 06.04.2015) // Информационный бюллетень "Официальная Брянщина". – 2012. – № 20. 21 декабря // <http://www.pravo.gov.ru> (07.04.2015).
11. Закон Ивановской области от 18.02.2009 № 20-03 (ред. от 03.06.2015) "Устав Ивановской области" // Собрание законодательства Ивановской области. – 2009. – № 7 (427). – 6 марта; 2015. – № 23(742). – 23 июня.
12. См.: Указ Президента Российской Федерации от 9 февраля 2011 г. № 167 "Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов" [Электронный ресурс] // URL: www.pravo.gov.ru.
13. См.: Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 "О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса "Российская общественная инициатива" (ред. от 23.06.2014). [Электронный ресурс] // URL: www.pravo.gov.ru.
14. Конституция Республики Алтай (Основной Закон) (принята Законом Республики Алтай от 7 июня 1997 г. № 21-4) (ред. от 25.06.2012) // Ведомости Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай. – 1997. – № 21. – С. 9; Сборник законодательства Республики Алтай. – 2012. – № 89 (95). – Ч. 1. – С. 4.
15. Устав Красноярского края от 5 июня 2008 г. № 5-1777 (ред. от 04.04.2013) // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. – 2008. – № 29 (250). – 16 июня; 2013. – № 14(589). – 15 апреля.
16. Устав Приморского края от 06.10.1995 № 14-КЗ (ред. от 26.12.2014) // Устав Приморского края. – 1995. – 16 октября.
17. Закон Амурской области от 13.12.1995 № 40-03 (ред. от 07.07.2014); Устав (Основной Закон) Амурской области // Амурская правда, 1995, 20 декабря; 2014, № 126, 12 июля.

18. Устав (Основной Закон) Тамбовской области Российской Федерации (принят Постановлением Тамбовской областной Думы от 30.11.1994 № 84) (ред. от 18.09.2015) // Тамбовская жизнь, 1994, № 233, 6 декабря; 2015, № 74 (1621), 25 сентября.

19. Устав (Основной Закон) Томской области (принят решением Томской областной Думы от 26.07.1995 № 136) (ред. от 15.05.2015) //Томский вестник. – 1995. – № 154. – 30 августа; Собрание законодательства Томской области. – 2015. – № 5/2(123). – 29 мая.

20. Закон ХМАО от 08.05.1998 № 30-оз (ред. от 07.07.2009) "О консультативном опросе населения вХанты-Мансийском автономном округе – Югре" (принят Думой Ханты-Мансийского автономного округа 28.04.1998) // Новости Югры (спецвыпуск). – 1998. – № 56. – 23 мая; 2009. – № 155. – 6 октября.

21. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 г. № 8-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 5.

В.П.Притулин*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ БАЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Всюду, где может возникнуть раздор,
там должен быть и суд,
иначе несовершенное существовало бы
без того, что придает ему совершенство,
а это невозможно...*

Данте А.

Аннотация. В статье анализируются сущность и содержание современной государственной политики в сфере защиты прав и свобод личности, обосновывается необходимость выделения судебной защиты в самостоятельную функцию российского государства, говоря о юридических характеристиках прав человека, предлагается различать права и свободы человека в объективном и субъективном смысле так же, как это имеет место в понимании права вообще.

Ключевые слова: права человека, защита прав и свобод, государственная политика, правосудие, суд, функция государства, объективное право, субъективное право.

THEORETICAL AND LEGAL BASE FOR STATE ACTIVITIES IN THE FIELD JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE INDIVIDUAL IN MODERN RUSSIA

Summary. The article analyzes the essence and content of modern state policy in the sphere of protection of the rights and freedoms of the individual, justifies the need for the provision of court protection as an independent function of the Russian state, speaking about the legal characteristics of human rights, it is proposed to distinguish the rights and freedoms of a person in objective and subjective sense as well as in the understanding of law in General.

Keywords: human rights, protection of rights and freedoms, public policy, justice, court, the function of the state, objective law, subjective right.

Современная политика Российского государства в сфере реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина обусловлена тем, что наша страна, как и многие государства мира, взяла на себя обязательство обеспечить любому человеку права и свободы, провозглашенные в международных правовых актах. В силу специфической связи с правовой политикой доминантой рассматриваемого в работе

* Притулин Валерий Павлович – федеральный судья, кандидат юридических наук.

вида государственной политики следует считать совершенствование правовой базы осуществления не только судебной, но и любой защитной деятельности.

Основные направления реформирования российского законодательства, на основе которого осуществляется судебная защита прав и свобод личности, сформировались в ходе конституционной реформы, обеспечившей качественное преобразование всего Российского государства и права, его переход к новому этапу своего развития, к новому историческому типу.

Правосудие в России осуществляется судом как носителем судебной власти посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ч. 1 и 2 ст. 118 Конституции РФ).

Согласно Конституции Российской Федерации только суд, а не какой-либо иной орган государственной власти или управления вправе принимать на себя функции и полномочия, находящиеся в компетенции судов, указанных в Конституции и федеральных конституционных законах. Иными словами, суд – единственный орган власти, уполномоченный в установленном порядке признать лицо виновным в совершении преступления и назначить уголовное наказание. Защита прав и свобод человека и гражданина, безусловно распространяющаяся и на юридических лиц, поскольку за их статусом всегда стоит объединение граждан, – приоритетная конституционная цель правосудия (ст. 2, 17 и 18 Конституции РФ).

Выделение судебной защиты в самостоятельную функцию государства обусловлено необходимостью реального и эффективного обеспечения прав и свобод личности, а судебный порядок, как отметили авторы Концепции судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, одобренной Советом по судебной реформе Российской Федерации от 11 января 1995 г., является наиболее совершенным из всех известных мировой человеческой цивилизации методов и средств обеспечения прав личности. Повышение роли правосудия – важнейшее условие самоограничения власти. Полномочия власти «легитимны лишь в пределах соблюдения прав человека. Нарушение общепризнанных стандартов в этой области служит основанием для изменения статуса самой власти» [1].

В современный, достаточно сложный, отягощенный экономическими санкциями и политическим давлением извне период российская государственность укрепляется. Можно уверенно констатировать, что укрепление законности и правопорядка представляет собой в настоящее время один из наиболее актуальных приоритетов в государственной политике Российской Федерации. Данный процесс оказывает самое непосредственное влияние на деятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, правоохранительных структур. Существенным преобразованиям подверглись судебная система и органы прокуратуры. Коренным образом были решены проблемы независимости суда.

Несмотря на то, что финансирование судебной системы остается критическим (особенно аппарата суда), суды становятся более открытыми для среднестатистического гражданина, облегчен доступ к правосудию, возрос уровень гарантий законности принимаемых судебных актов.

Судебная ветвь государственной власти, являясь во многом взаимозависимой с законодательной властью, дает оценку ее деятельности, а также, применяя закон, может корректировать его положения, наработывая и обобщая судебную практику, ориентирует законодателя на разработку и принятие необходимых правовых норм как в экономике, так и в правоохранительной деятельности.

Справедливо отмечает В.Е. Чиркин, что связи законодательной и судебной власти имеют взаимообеспечительный характер. С одной стороны, законодательная власть (парламент) принимает законы об организации и деятельности судов, устанавливает судебную систему, учреждает суды, обеспечивает финансирование судов, с другой – суд своими средствами способствует эффективному правовому регулированию, которое призвана осуществлять законодательная власть, а также реализации законов [2].

Роль правоохранительной, судебной системы состоит в том, чтобы оградить экономику, граждан от мошенничества и преступников и защитить права, собственность, достоинство всех, кто соблюдает закон, честно ведет свое дело [3].

В науке судебную защиту рассматривают как институт конституционного права, как общественное отношение и государственную функцию [4]. Иногда судебная защита отождествляется с правосудием или рассматривается как гарантия доступа к нему. Судебную защиту можно характеризовать как основной способ реализации права граждан на государственную защиту прав и свобод, гарантированный государством и реализуемый посредством независимой судебной системы. В теории права судебная защита рассматривается как составная часть правоохранительной функции государства [5]. Общий комплекс мероприятий по реформированию института судебной защиты прав и свобод личности включает прежде всего научное обновление понятийного аппарата соответствующих отраслей российского права. Базовой категорией в этом плане становятся права человека. Общеизвестные права человека – устоявшийся международно-правовой термин, который получил широкое распространение как в международных, так и во внутригосударственных нормативных актах по правам человека [6].

Права человека определяются полноценностью жизни и служат неотъемлемой частью культуры нации, высшим проявлением нравственно-правовых идеалов человека. Уровень развития демократии в обществе определяется не только признанием властью прав и свобод человека, включая ратификацию соответствующих международно-правовых документов, но и наличием эффективного государственного механизма их реализации и защиты. Однако приоритет защитной деятельности судебных органов следует считать непререкаемым. Права человека следует подразделять по сферам государственной и общественной жизни на экономические, социальные, политические, права граждан в области культуры [7], можно добавить и экологические права [8].

Право есть предоставленная кому-либо свобода, возможность действовать или пользоваться чем-либо. Право в объективном смысле – это система общеобязательных норм (правил поведения), установленных государством и обеспечиваемых силой его принуждения (позитивное право) либо вытекающих из самой природы человеческого разума; императив, стоящий над государством и законом (естественное право). В субъективном смысле это вид и мера возможного поведения лица, государственного органа, народа, государства или иного субъекта (юридическое право).

Объем прав, входящих в единый правовой статус, в определенной мере зависит от того, выступает ли индивид в качестве человека или в качестве гражданина согласно положениям Конституции Российской Федерации, выделяющей права и свободы человека и гражданина [9].

Человеку как таковому отводится автономное поле деятельности, где движущей силой выступают его индивидуальные интересы. Реализация таких интересов

осуществляется в гражданском обществе, основанном на частной собственности, в семье, в сфере личной жизни и опирается на естественные права человека, принадлежащие ему от рождения. Государство, воздерживаясь от вмешательства в эти отношения, призвано ограждать их не только от своего, но и от чьего бы то ни было вмешательства.

Права гражданина охватывают сферу отношений индивида с государством, в которой он рассчитывает не только на ограждение своих прав от незаконного вмешательства, но и на активное содействия государства в их реализации. Статус гражданина вытекает из его особой правовой связи с государством, осуществляемой через институт гражданства. Исследование политико-правовых аспектов защиты свободы и личной неприкосновенности человека и гражданина является приоритетной задачей современной политико-правовой мысли, у которой многовековые корни.

В контексте исследуемой проблематики сущность и содержание государственной политики в сфере защиты прав и свобод личности взаимообусловлены факторами устойчивого развития, в число которых включены и сами права. В системе естественных и неотъемлемых прав человека свобода и личная неприкосновенность занимают особое место, поскольку с этим связаны и напрямую зависят все остальные его права. Отношение к свободе и личной неприкосновенности человека как к неотъемлемой составляющей отношений индивида (гражданина) и государства, человека и власти является показателем уровня зрелости, развитости государства.

Свободы человека – сферы, области деятельности человека, в которые государство не должно вмешиваться. Оно лишь очерчивает с помощью правовых норм границы, контур, территорию, на которой человек действует по своему выбору, по своему усмотрению.

Права человека – установленные и гарантируемые государством возможности, правомочия, потенции действий человека в описанной, указанной в законе сфере.

С точки зрения юридического понятия, права и свободы человека идентичны. Их различают на метауровне – на уровне философской рефлексии. Но само это различие определяет юридическую трактовку права как социальной нормы.

Говоря о юридических характеристиках прав человека, нужно различать права и свободы человека в объективном и субъективном смысле так же, как это имеет место в понимании права вообще.

В объективном смысле права и свободы человека – это система международных и национальных правовых норм, устанавливающих правовой статус личности, закрепляющих ее положение, правила взаимоотношений между людьми, отношения личности (гражданина) и государства.

В субъективном смысле права и свободы человека – это принадлежащая конкретному лицу возможность (правомочие) предусмотренного правовой нормой и защищаемого государством действия, поступка, поведения [11]. Достаточно, на наш взгляд, емкая, обстоятельная и обоснованная характеристика прав человека как важнейшего фактора устойчивого развития человечества предложена Е.А.Лукашевой. В качестве обоснования данный автор предлагает следующий ряд обстоятельств.

Во-первых, устойчивое развитие невозможно без обеспечения свободы и автономии личности, по своему усмотрению определяющей способы и сферы своей жизнедеятельности. Поэтому задачей государства и компонентом его правозащитной политики должно стать теоретическое определение и юридическое установление границ свободы человека.

Во-вторых, провозглашение идеи прав человека положило конец всевластию государства, рассматривавшего человека как подданного, слепого и послушного исполнителя государственных команд и приказов. Такая ситуация неизбежно вызывала напряженность в обществе, стремление освободиться из-под опеки всемогущей власти. Установление партнерства между гражданином и властью, вытекающего из основополагающих принципов прав человека, предотвращает политические и социальные катаклизмы, способствует развитию общества, цель которого избрана и одобрена большинством народа.

В-третьих, права человека есть главный ориентир и высшая ценность, которой должно руководствоваться государство. Обеспечение, защита прав, свобод, законных интересов человека есть обязанность законодательной, исполнительной, судебной властей. Если эта обязанность соблюдается, то общество может быть охарактеризовано как стабильное, устойчивое; если государство пренебрегает ею, то в обществе создается напряженность, образуется угроза его устойчивому развитию.

В-четвертых, права человека и их реализация «маркируют» природу государства. При этом важна связь провозглашенных прав и четко отработанных механизмов, процедур, надежно обеспечивающих их реализацию. Нередко тоталитарные государства провозглашают широкий набор прав и свобод, однако их реализация не обеспечивается. Поэтому только связь двух компонентов – провозглашенных прав и механизмов обеспечения их реализации может свидетельствовать о подлинном демократизме государства. И хотя демократия всегда содержит в себе факторы неустойчивости (борьба мнений, различие понятий, противостояние политических партий и группировок), она все же значительно надежнее обеспечивает стабильность развития, позволяя в той или иной степени отражать, учитывать и примирять все эти различия и противоречия.

В-пятых, принцип формального юридического равенства, на котором основаны все права человека, примиряет противоречивые и разнонаправленные интересы людей, создает своего рода консенсус относительно характера их взаимодействия, объема благ и притязаний, на которые может рассчитывать каждый, определяет роль государства в отношении к правам человека и способам их защиты. Права человека консенсуальны по своей природе, поэтому они играют важнейшую роль в установлении согласия в обществе и обеспечении устойчивости его развития.

В-шестых, значимость прав человека проявляется в их постоянном расширении и развитии. Они охватывают все новые сферы общественных отношений, поскольку последние проявляют неустойчивость и грозят стабильности общественного развития. Обеспечение прав человека не может быть гарантировано в условиях застоя, стагнации. Только устойчивое развитие способствует реальной жизни прав и свобод. Все важнейшие компоненты устойчивого развития кристаллизуются в правах человека – политических, личных (гражданских), экономических, социальных, культурных. Это позволяет применять «человеческое измерение» как ко всей единой системе факторов устойчивого развития, так и к каждому из них в отдельности [12].

На наш взгляд, перечисленные аргументы можно рассматривать в качестве теоретической основы формирования государственной политики в сфере судебной защиты прав и свобод личности в современном Российском государстве.

С учетом изложенного вполне обоснованно, что целью современной судебной власти в любом виде отправления судопроизводства является предоставление субъектам права эффективного, своевременного и справедливого рассмотрения и раз-

решения дел или иных вопросов, отнесенных к компетенции суда. Государство гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Решения, действия или бездействие органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ст. 46 Конституции РФ). При этом государство берет на себя обязанность охранять законом права потерпевших от преступления и злоупотребления властью, обеспечивать им доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда (ст. 52 Конституции РФ).

Указанные положения должны приводить к более единообразному определению задач судопроизводства. К сожалению, современное процессуальное законодательство уже в этом ключевом вопросе существенно различается, что не может быть объяснено и оправдано только различиями тех материально-правовых споров, которые образуют предмет рассмотрения в том или ином виде судопроизводства.

Между тем еще при подготовке тиража ныне действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) законодатель полностью отказался не только от упоминания о наличии задач уголовного судопроизводства как таковых, но от их регулирования, ограничившись лишь определением его назначения, подчеркнув правозащитную направленность современного уголовного судопроизводства (ст. 6).

Однако как в научной среде, так и в реальном правоприменении этого вида судопроизводства буквально с момента введения новаций в него (с 01.07.2002) устоялся иной взгляд. Так, достаточно точное определение задач уголовного процесса можно было обнаружить в ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., где задачами уголовного судопроизводства «являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». Достоинство данной формулировки заключается прежде всего в том, что она четко показывает направленность уголовного процесса на разрешение по существу вопросов уголовного права, то есть на «правильное применение закона» о преступлениях и о наказаниях.

В действующем УПК РФ мы подобной нормы о «задачах уголовного процесса» не обнаруживаем. Российский законодатель решил взглянуть на проблему не с точки зрения юридино-технических задач уголовного процесса, которые, разумеется, остались неизменными, а с точки зрения социального предназначения уголовного судопроизводства. В этом плане можно поставить вопрос о позитивных социальных результатах, которые общество вправе ожидать от оптимально сконструированной и успешно функционирующей системы уголовного процесса.

Так, в соответствии со ст. 6 УПК РФ, именуемой «Назначение уголовного судопроизводства», уголовный процесс, с одной стороны, должен обеспечивать «защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений», а с другой стороны – «защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод». При этом здесь же подчеркивается, что уголовный процесс достигает своих позитивных социальных целей как в случае наказания виновного, так и в случае отказа от уголовного преследования невиновного. Иначе говоря, соответствующее закону решение о приостановлении уголовного дела в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, в большей мере соответствует социальному предназначению уголовного

судопроизводства, нежели предъявление лицу обвинения при наличии определенных сомнений в его виновности, хотя юридико-технические задачи уголовного процесса в данном примере решить не удастся, так как при приостановлении уголовного дела по указанному основанию данное дело невозможно рассмотреть и разрешить по существу (вопросы материального уголовного права остаются без ответа).

В то же время нельзя не признать, что ст. 6 УПК РФ сформулирована неполно, поскольку при ее буквальном толковании может возникнуть ошибочное представление, что уголовное преступление составляет конфликт исключительно частных лиц (потерпевшего и обвиняемого). На самом деле, во-первых, существуют уголовные преступления, где конкретного потерпевшего вовсе нет (преступления против интересов государства, налоговые преступления, некоторые экономические преступления). Во-вторых, любое преступление, даже если оно направлено против конкретного лица, общественно опасно. Иначе говоря, оно причиняет вред всему обществу, понижая в нем уровень безопасности, создавая дополнительные риски и угрозы, ослабляя государство и вынуждая его отвлекаться от решения насущных социальных проблем, повышая нагрузку на государственный бюджет, снижая инвестиционную привлекательность экономики и т.п. Поэтому социальное предназначение уголовного судопроизводства проявляется не только в защите интересов конкретных потерпевших, как указано в ст. 6 УПК РФ, но в защите интересов общества в целом, от имени которого и осуществляется уголовное преследование уполномоченными на то государственными органами. В этом проявляется публично-правовой характер уголовного судопроизводства, в социальном и правовом смыслах стоящего на страже публичных интересов.

Вопрос о социальном предназначении уголовного процесса, который должен быть одновременно направлен как на защиту публичных интересов всего общества, так и на обеспечение индивидуальных прав и свобод частных лиц, подводит нас к проблеме основных направлений современной уголовно-процессуальной политики [13].

Достоинство личности является важнейшим ценностным основанием и критерием, определяющим требования к выстраиванию отношений между государством и человеком. Сердцевину конституционных положений о безопасности составляют защита прав и свобод человека и гражданина, безопасность личности. Дилемма выбора между свободой реализации прав человека и безопасностью лишена смысла, поскольку безопасность – это основа и императив реализации прав человека.

Исходя из оценки современного состояния экономики, социальных институтов, отечественной судебной системы и правоохранительных органов, а также пока еще слабого правового сознания на всех – государственных и общественных – уровнях, можно утверждать, что на современном этапе развития страны разрыв между правовыми постулатами, закрепленными в Конституции Российской Федерации, и реальными механизмами защиты прав, свобод человека и достоинства личности остается глубоким [14].

Как показала судебная практика за время действия УПК РФ с июля 2002 г. и по настоящее время, этот основополагающий документ далеко не совершенен. Со дня принятия его Государственной Думой 22 ноября 2001 г. и одобрения Советом Федерации 5 декабря 2001 г., с учетом «пробелов», допущенных законодателем, а также на основе судебной практики он претерпел ряд серьезных изменений. Следует, однако, заметить, что ряд ученых, а также судебных и прокурорских работников до сих пор выражают серьезную озабоченность несовершенством многих норм, заложен-

ных в УПК РФ. Подтверждением тому является активная дискуссия ученых и практиков о возврате ряда норм из «старого» УПК, например, принципа всесторонности и объективности, а также справедливости рассмотрения и разрешения уголовного дела [15].

Пока лишь можно констатировать, что судьи довольно успешно «заменяли» прокурорских работников в деле осуществления арестов, коллапса в данной части правоприменительной практики с 1 июня 2002 г. не возникло.

Вместе с тем со времени вступления в силу с 1 июля 2002 г. УПК РФ принято уже более 160 федеральных законов в целях изменения его отдельных статей (2010 г. – 25 законов; 2011 г. – 21; 2012 г. – 18; 2013 г. – 27; 2014 г. (на конец августа) – 19 законов). По другим подсчетам, за этот период изменениям и дополнениям были подвергнуты более 400 норм УПК РФ. И это без учета изменений, внесенных в Кодекс в результате учета законодателем постановлений и определений Конституционного Суда РФ и практики Европейского суда по правам человека. Объективная необходимость продолжения судебной реформы требует обсуждения и решения также других вопросов построения судебной системы, организации осуществления правосудия, оптимизации законодательства о порядке формирования судебных органов, обеспечения независимости судей и самостоятельности судов.

Так, остается не до конца решенной проблема приближения суда к населению, упрощения обращения за судебной защитой, вовлечения населения в судебную деятельность, разграничения подсудности по ряду категорий дел между арбитражными судами и судами общей юрисдикции.

Судебный порядок является универсальным и эффективным способом защиты прав и свобод личности, а потому позволяет с определенной долей уверенности рассматривать его как наиболее совершенный из всех известных мировой человеческой цивилизации методов и средств обеспечения прав личности. Именно судебная защита обеспечивает реальное действие прав и свобод, их эффективность и доступность для всех [16].

Без демократически организованного компетентного суда, руководствующегося при рассмотрении дел принципами состязательности, гласности, нет прав и свобод. Именно поэтому можно утверждать, что идея прав и свобод человека и гражданина всегда была неотделима от их защиты в суде. При этом право на судебную защиту в обязательном порядке должно обладать юридическими средствами своей реализации, задавать параметры, предопределять характер и содержание правовых средств их реализации [17].

Уровень судебной защиты – основной показатель правового характера государства и демократичности общества. Расширение круга охраняемых законом прав личности, углубление их содержания в условиях многообразия современных экономических и социальных связей возлагает на суд особую ответственность и поднимает его значение как фактора утверждения экономической и социальной стабильности, как основного гаранта реализации прав и свобод граждан [18]. Права и свободы человека, не подлежащие в силу каких-либо обстоятельств и причин фактической судебной защите, лишены правового значения. Следовательно, судебная защищенность образует одну из существеннейших составляющих механизма обеспечения права [19].

Имеет место мнение, согласно которому судебная защита прав, свобод и законных интересов – это не только неотъемлемый элемент блока личных (гражданских) прав и свобод индивида, но и гарантия реализации прав и иных форм дозволений в политической, экономической, культурной, социальной и других сферах, причем

как индивида, так и неограниченного субъектного состава участников правоотношений [20].

Присоединяюсь к этому авторитетному мнению о том, что судебная защита права, свободы или законного интереса – гарантия их реализации, в то же время не в полной мере позволяющая удовлетворить правомерные стремления участников правоотношений. Судебная защита – реакция на определенные препятствия, следовательно, она содействует удовлетворению уже нарушенных либо оспоренных дозволений.

В настоящее время необходимо всемерно повышать эффективность юрисдикционного процесса, выступающего одной из важнейших форм защиты прав, свобод и законных интересов. Это требует осмысления и внедрения в правоприменительную практику концепции судебной-правовой и процессуально-правовой политики, что умножит праворегулятивный потенциал процессуальных средств воздействия на общественные отношения [20, с. 52].

Несмотря на современное состояние экономики, социальных институтов, отечественной судебной системы и правоохранительных органов, а также пока еще слабого правового сознания на всех – государственном и общественном – уровнях, необходимо направить все усилия законодателя и правоприменителей на сокращение все еще существующего глубокого разрыва между правовыми постулатами, закрепленными в Конституции Российской Федерации, и реальными механизмами защиты прав, свобод человека и достоинства личности.

Библиографический список

1. Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. – Воронеж, 1984.
2. Чиркин В.Е. Законодательная власть. – М.: Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – С. 165 – 166.
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2015 г. //www.kremlin.ru
4. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. 3-е изд., изм. и доп. – М., 2005. – С. 225.
5. Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. Личные конституционные права и свободы граждан СССР: система, характеристики, особенности реализации. – Уфа, 1990. – С. 46.
6. См., напр.: Азаров А., Ройтер В., Хюфнер К. Защита прав человека: международные и российские механизмы. – М., 2000. – С. 276-282.
7. См.: Комаров С.А., Лантева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: монография. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2015. – 426 с.
8. См.: Большой юридический словарь /под ред. А.Я.Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2001.
9. См.: Фомиченко Т.М. Право на жизнь в системе прав и свобод человека и гражданина в российском законодательстве //Новое в российском и международном праве. – Вып. 1. – М.: 2001. – С. 116.
10. См., напр.: Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 8-е изд. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2012. – С. 181-237.
11. Петров А.В., Седова Н.Н. Концепция прав человека в медицине. – Волгоград, 2004. – Гл. 1.

12. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ.ред. членкор. РАН Е.А. Лукашевой. – М.: НОРМА, 2002. – С. 37.
13. Курс уголовного процесса /под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016.
14. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 24.03.2016 "Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год" //www.gov.ru
15. *Писаревский И.И.* Проблема учета в приговоре доводов сторон в контексте права на справедливое судебное разбирательство //Российский судья. – 2016. – № 3; *Мазурский В.А.* Организация расследования неочевидных (нераскрытых) преступлений следователями СК РФ // Российский следователь. – 2014. – № 15; Проблемы развития процессуального права России: монография / под ред. В.М. Жуйкова. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016.
16. *Зорькин В.Д.* Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. – 2006. – № 12.
17. *Соловых С.Ж.* Роль субъективных процессуальных прав в механизме реализации права на судебную защиту // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 4. – С. 8-13.
18. *Фомин А.А.* Сущность и содержание права граждан на судебную защиту // Администратор суда. – 2009. – № 4. – С. 34-37.
19. *Шевцов В.С.* Право и судебная власть в Российской Федерации. – М., 2003. С. 246.
20. *Малько А.В., Субочев В.В., Шериев А.М.* Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения. – М., 2010.

Б.А.Ревнов*,
М.Б.Ревнова**

ПРОБЛЕМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ПРИ ОБРАЩЕНИИ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется понятие «злоупотребление правом», рассматриваются случаи злоупотребления правом на судебную защиту при обращении заявителей в Конституционный Суд Российской Федерации, приводятся предусмотренные законодательством способы противодействия злоупотреблению правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации.

Ключевые слова: злоупотребление правом, обращение граждан, судебная защита, Конституционный Суд Российской Федерации, нормативизм.

THE PROBLEM OF ABUSE OF THE RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION WHEN APPLYING TO THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Summary. The article examines the concept of «abuse of rights», are considered cases of abuse of the right to judicial protection when handling the applicants to the Constitutional Court of the Russian Federation, are provided by the legislation ways to counter abuse of the right to appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: abuse of rights, treatment of citizens, judicial protection, the Constitutional Court of the Russian Federation, normativism.

Abusus non tollit usum

Злоупотребление правом всегда есть сознательное умаление прав одного лица законными действиями другого. Принципиальным отличием от ординарной, допустимой реализации прав и обязанностей с точки зрения классической юриспруденции в данном случае выступает конечная цель, которую ставит перед собой субъект права, – причинить вред любого характера иному лицу, упразднить, ограничить его права, не нарушая при этом закона. Генеральный запрет на злоупотребление правом закреплен в Конвенции о защите прав человека и основных свобод [1].

* *Ревнов Борис Александрович* – доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: akziz07@ya.ru

Revnov Boris Alexandrovich – associate Professor of Department of constitutional and Administrative law of Law Institute (Saint-Petersburg), candidate of Law.

** *Ревнова Мария Борисовна* – ректор Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук.

Revnova Maria Borisovna – rector of Law Institute (Saint-Petersburg), candidate of Law.

В теории классической юриспруденции выделяют два вида злоупотребления правом: в первом случае это поведение управомоченного лица в рамках, предоставленных действующим законодательством, но с превышением пределов, установленных для осуществления субъективных прав, во втором случае – без превышения этих пределов [2]. Однако во всех вариантах злоупотребление правом предполагает осознанную управомоченным лицом возможность причинения вреда иным лицам и(или) охраняемым законом интересам [3].

Действующее законодательство не содержит общей дефиниции термина «злоупотребление правом», при этом прямые либо косвенные запреты на заведомо недобросовестное осуществление прав присутствуют во многих правовых сферах, закрепленные отраслевыми и специальными нормами, к примеру: регулирование гражданских правоотношений [4], проведение референдума [5], журналистская деятельность [6] и т.д.

Все существующие систематизации конфигураций злоупотребления правом (нарушения пределов осуществления субъективных прав) сводятся к тому, что в качестве бесспорной формы злоупотребления правом выступают действия, совершаемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу (в теории права применительно к гражданским правоотношениям – шикана) [7]. Природу и пределы запрещения шиканы возможно охарактеризовать метафорой: «Если гражданское право является по преимуществу областью частного самоопределения, то есть областью дозволенного эгоизма, то запрещение шиканы устраняет крайние, антисоциальные шипы этого эгоизма. Современное гражданское право как бы говорит человеку: если тебе позволено быть в известных пределах эгоистом, то это не значит, что ты можешь быть злым» [8].

Возможно выделить следующие характерные черты шиканы: 1) она всегда выступает результатом действия лица; 2) деяние имеет противоправный характер. Причем под противоправностью шиканы понимается нарушение управомоченным лицом обязанности не совершать действий по реализации своего права, направленных на причинение вреда; 3) шикана совершается виновно; 4) общественно вредным последствием шиканы является вред, причиненный правам или интересам другого лица; 5) действия имеют целью причинение вреда другому лицу [9].

1. Действия, схожие по правовой природе с шиканой, осуществляются гражданами и при направлении обращений в Конституционный Суд Российской Федерации. В частности, направление письма, содержащего явные оскорбительные высказывания в любом отношении, нецензурную лексику и тому подобное. Целеполагание, имеющее место быть у заявителя в данном случае, скорее должно являться предметом изучения психологии либо психиатрии, нежели юриспруденции, однако однозначный вывод о желании лица причинить подобными действиями как минимум моральный вред явственно прослеживается, равно как и в большинстве случаев сознательный отказ от позитивного результата, так как, используя подобную лексику, он: а) осознает намеренный характер причинения морального вреда своими действиями; б) сознательно отказывается от иных, безусловно исполнимых способов добиться желаемого результата – получения ответа по существу требований, желательно положительного.

При рассмотрении данного случая злоупотребления правом необходимо иметь в виду, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность в виде штрафа за оскорбление, то есть унижение

чести и достоинства другого лица [10], соответственно, если действия субъекта образуют указанный состав, они переходят из категории злоупотребления правом в категорию административных правонарушений. Однако состав указанной нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях достаточно узок: объективная сторона правонарушения заключается в совершении действий, выраженных в неприличной форме и направленных на унижение чести и достоинства другого лица. Представленный подход к понятию оскорбления вызывает множество сложностей в правоприменительной практике.

Во-первых, неопределенность терминов «честь» и «достоинство». Гражданский кодекс Российской Федерации, например, относит честь и достоинство к нематериальным, неотчуждаемым правам личности (благам) [11].

Во-вторых, понятие «неприличная форма» не может быть однозначно определено. Оценка формы отнесена на усмотрение судьи. В случае необходимости судья может принять решение о проведении судебной лингвистической экспертизы. Оскорбление может быть выражено в устной или письменной форме. Кроме этого, следует учитывать, что оскорбление может быть выражено не только в словесной форме, но и в невербальной, например, жесты, звуки, пощечины и т.д.

В-третьих, судебная практика свидетельствует о том, что необходимо доказывать, что неприличные действия, образующие объективную форму оскорбления, были направлены именно на конкретное лицо, а не на всю ситуацию или происходящие события в целом [12]. Кроме того, необходимо отличать случаи злоупотребления правом и правонарушения (административные), так как последние предполагают прямое несоблюдение действующего нормативно-правового регулирования, что имеет иную правовую природу [13].

Однако универсальным барьером против подобных случаев злоупотребления правом служит комплексное применение норм Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», регулирующего правоотношения, связанные с реализацией субъектами гражданских правоотношений закрепленного за ними Конституцией Российской Федерации права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления [14], и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», устанавливающего особенности рассмотрения обращений, направляемых в Конституционный Суд Российской Федерации [15]. Названный Федеральный закон перестает функционировать только в том случае, если иными специальными нормами федерального законодательства предусмотрен иной порядок рассмотрения обращений [16], при этом под «порядком» в данном случае, применяя буквальное, грамматическое и системные толкования, следует понимать последовательность действий компетентного органа при рассмотрении обращения. Остальные же нормы, имеющие универсальный характер, сохраняют свое действие, равно как и те нормы установленного общего порядка, для которых не предусмотрено иное регулирование.

Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» прямо предусматривает возможность для государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица при получении письменного обращения, в котором содержатся нецензурные либо оскорбительные выражения, угрозы жизни, здоровью и имуществу должностного лица, а также членов его семьи, оставить обращение без ответа по существу поставленных в нем вопросов и сообщить гражданину, направившему обращение, о недопустимости злоупотребления правом [17].

Этим же Федеральным законом предусматривается барьер для злоупотребления исследуемым правом еще в двух случаях: во-первых, если в письменном обращении гражданина содержится вопрос, на который ему неоднократно давались письменные ответы по существу в связи с ранее направляемыми обращениями и при этом в обращении не приводятся новые доводы или обстоятельства, есть возможность принятия решения о прекращении переписки с гражданином по данному вопросу ввиду безосновательности очередного обращения. Подобный вариант своеобразной публично-правовой защиты от злоупотреблений возможен только при условии, что указанное обращение и ранее направляемые обращения направлялись в один и тот же государственный орган, орган местного самоуправления или одному и тому же должностному лицу. О данном решении уведомляется гражданин, направивший обращение [18]. Рассматриваемый случай использования защитных механизмов против данного вида шиканы чуть сложнее, так как менее очевиден. Безусловно, при совпадении обращений до последней запятой решение о прекращении переписки логично и однозначно, однако чаще всего конструкции фраз и описание требований так изменяются, конкретизируются, дополняются, что не дает возможности прервать, пускай по сути своей уже и нецелесообразную переписку. Даже в случае, если из 30 поставленных в обращении вопросов на 29 уже давались ответы, причем неоднократно, а 30-й все-таки содержит новое обстоятельство, на которое ссылается заявитель, основания для прекращения с ним переписки отсутствуют. При этом данный случай не всегда можно однозначно рассматривать как аналог шиканы: заявители далеко не всегда могут с первого раза юридически грамотно составить обращение по интересующему их вопросу. В этом случае невозможность прекращения переписки и высокая степень формализма данного признака выступает, напротив, в роли дополнительного гаранта обеспечения конституционного права на обращение.

Следующий случай шиканы еще менее очевиден. Согласно указанному федеральному закону в случае, если текст письменного обращения не поддается прочтению, ответ на обращение не дается и оно не подлежит направлению на рассмотрение в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в соответствии с их компетенцией, о чем сообщается гражданину, направившему обращение, если его фамилия и почтовый адрес поддаются прочтению [19].

На первый взгляд, все очевидно: обильно пропитавшееся хорошим кофе рукописное обращение на тонкой тетрадной бумаге, написанное карандашом, представляет больший интерес для судебных экспертов-графологов, нежели для должностного лица, в чьи обязанности входит направить ответ, а не проводить экспертизу с целью установления истинного смысла нераспознаваемых символов (при этом вопрос, по чьей вине кофе оказался аккурат на описательно-мотивировочной части обращения, в рамках данной статьи не исследуется), однако все не так однозначно. Здесь возникает вопрос и о степени доступности для распознавания почерка отдельных обращений, однако наибольший интерес представляют подобные трудночитаемые обращения, выполненные в стилях, больше соотносимых с изобразительным искусством, нежели с правилами письма на русском языке.

Очень редко, но попадаются «высокохудожественные» письма, каждая буква которых может быть изображена весьма неординарным способом. Встречается такое очень редко и, как правило, характеризует отправителя либо как заключенного (о чем обычно имеется информация в сопроводительных документах), либо как ду-

шевнобольного. Однако на практике указанные субъекты оказываются весьма юридически грамотными в вопросах обжалования действий должностных лиц, не ответивших на подобные обращения. Этот последний случай представляет собой очередной пример публично-правовой шиканы.

Следует отметить, что все-таки большинство случаев злоупотребления правом на обращения не образуют шикану в ее классическом понимании, так как обычно у заявителей присутствует какая-либо конкретная, конструктивная цель. Как правило, для достижения этой цели они сознательно избирают неверный способ, в том числе направляя обращения в Конституционный Суд Российской Федерации. В таком случае злоупотребление выражается в попытке попутного причинения вреда охраняемым законом интересам. В качестве одного из примеров подобного злоупотребления можно привести попытку использования Конституционный Суд Российской Федерации в качестве определенного «пункта пересылки». Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [20] предусматривает возможность направить обращение в государственные органы или организации, компетентные решать поставленные в нем вопросы в случае, если обращение явно не подведомственно Конституционному Суду Российской Федерации. При этом у граждан создается ошибочное представление о возможности Конституционного Суда Российской Федерации дать поручение иному органу, компетентному рассматривать вопросы, поставленные в обращении, разрешить их по существу, а в идеале – и проконтролировать исполнение.

Однако названный Федеральный конституционный закон не наделяет Конституционный Суд Российской Федерации подобными полномочиями. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации не оказывает населению услуг по пересылке корреспонденции – это прерогатива почты. Таким образом, как вариант защиты от подобного злоупотребления правом указанный Федеральный конституционный закон предусматривает для Конституционного Суда Российской Федерации возможность уведомить заявителя об указанном недостатке его обращения [20]. На практике одновременно с подобным уведомлением заявителю возвращается и оригинал обращения (при наличии) вместе с оригиналами приложенных к нему документов. Федеральный конституционный закон также предусматривает возможность заявителя настоять на своей позиции. В этом случае Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение об отказе в принятии обращения к рассмотрению, так как разрешение вопроса, поставленного в обращении, явно не подведомственно Конституционному Суду Российской Федерации [21].

Безусловно, статья 40 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает возможность направить обращение в государственные органы или организации, компетентные решать поставленные в нем вопросы, однако ни из указанного Федерального конституционного закона, ни из Конституции Российской Федерации не вытекает обязанность государственных органов, в том числе Конституционного Суда Российской Федерации и его Секретариата, направлять неподведомственные им обращения компетентным государственным органам или организациям [22]. Перенаправление обращения в иной орган, компетентный разрешить вопросы, поставленные в обращении по существу, с учетом предусмотренной законом обязанности уведомить заявителя об указанных недостатках его обращения, а также возможности последнего перенаправить обращение повторно, уже с исправленными недостатками, является правом Конституци-

онного Суда Российской Федерации. Однако, учитывая авторитет Конституционного Суда Российской Федерации, перенаправление подобным образом заявлений граждан иным компетентным органам зачастую рассматривается последними не как простое перенаправление в соответствии с юрисдикцией для последующего самостоятельного рассмотрения обращения по существу, а как руководящее негласное указание о необходимости срочного разрешения поставленного в обращении вопроса в положительную сторону. С учетом подобного, хоть и не основанного на праве, но тем не менее фактического обстоятельства, обычно Конституционный Суд Российской Федерации не осуществляет подобное направление обращений.

Следующий случай злоупотребления гражданами своим правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации заключается в попытке заявителя заставить Суд выйти за пределы его компетенции и разрешить вопрос о фактических обстоятельствах дела [23]. При этом, формально оспаривая конституционность законоположений, как правило, заявитель фактически выражает несогласие с вынесенными по его делу судебными актами [24]. В этом случае у Конституционного Суда Российской Федерации не остается иного выбора, кроме как, рассмотрев вопрос о возможности принятия жалобы гражданина к рассмотрению в заседании, вынести определение об отказе в принятии, поскольку жалоба не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой [25]. Описанный вариант злоупотребления правом при обращении в Конституционный Суд Российской Федерации является одним из наиболее часто встречающихся.

Возможность злоупотребить правом, обращаясь в Конституционный Суд Российской Федерации, проявляется в попытке заявителей фактически изменить смысл уже принятого Конституционным Судом решения путем направления заявления о разъяснении решения. Действительно, Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает возможность разъяснения решения Конституционного Суда Российской Федерации по ходатайству органов и лиц, имеющих право на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации, других органов и лиц, которым оно направлено [26].

Целью разъяснения является именно уточнение действительного смысла положений, содержащихся в правовых позициях, изложенных в мотивировочной либо резолютивной части решения Конституционного Суда Российской Федерации, для правильного понимания и применения их всеми субъектами права. Речь идет об официальном аутентичном разъяснении решений Суда, то есть о полномочии, которое не может принадлежать никакому иному органу государственной власти или должностному лицу. Результатом такого разъяснения становится интерпретационный акт, имеющий общезначимый и общеобязательный характер.

Вопрос о разъяснении может быть поставлен в отношении любого решения Конституционного Суда Российской Федерации, вынесенного в процессе осуществления конституционного судопроизводства (постановления, заключения, определения), независимо оттого, в каком судебном заседании оно было принято (открытом или закрытом) и в каком порядке рассматривалось дело (с проведением или без проведения слушания).

Необходимость официального разъяснения Конституционным Судом Российской Федерации своих решений может быть вызвана непониманием (неверным по-

ниманием) правоприменительного смысла этих решений органами публичной власти, прежде всего судебными, что как следствие может приводить к соответствующим дефектам правоприменительной практики. Необходимость официального разъяснения решения Суда может возникнуть также в связи с содержащимся в этом решении предписанием соответствующему нормотворческому органу относительно необходимости изменения правового регулирования, порожденной дисквалификацией нормы. При этом неясность содержания подлежащего разъяснению решения Конституционного Суда Российской Федерации должна быть действительной (объективной), а не мнимой (субъективной).

Процессуальной предпосылкой официального разъяснения решения Конституционного Суда Российской Федерации является принятие соответствующего ходатайства к рассмотрению.

Формальные критерии допустимости подобных обращений в Конституционный Суд Российской Федерации непосредственно в названном Федеральном конституционном законе не закреплены, что восполнено практикой самого Суда, который указал, что разъяснение решения: а) не должно являться простым его воспроизведением, то есть ходатайство не подлежит рассмотрению, если поставленные в нем вопросы не требуют по существу какого-либо дополнительного истолкования решения [27]; б) дается только в рамках предмета разъясняемого решения и не может содержать решения по новым вопросам, связанным с проверкой конституционности иных норм, а также с толкованием законов или иных нормативных актов, осуществляемым в процессе правоприменения [28]; в) не может содержать правовые позиции, не нашедшие отражения в разъясняемом решении [29]. Также важно иметь в виду, что обоснование ходатайства о разъяснении решения Конституционного Суда Российской Федерации тем обстоятельством, что изложенные в нем правовые позиции не согласуются с высказанными ранее правовыми позициями Суда, также не признается Конституционным Судом Российской Федерации в качестве основания для принятия такого ходатайства к рассмотрению [30]. По сути своей каждый из описанных случаев в отдельности представляет собой отдельный вид злоупотребления указанным правом.

Практика Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствует, что большинство ходатайств о разъяснении решений Суда не соответствует критериям допустимости и не принимается к рассмотрению либо производство по ним прекращается. В случае если ходатайство о разъяснении решения Конституционного Суда Российской Федерации было принято к производству и впоследствии его рассмотрение не было прекращено, Суд принимает решение о разъяснении решения в форме определения, обязательно излагая его в виде отдельного документа (а не протокольно) [31].

Подобное определение является неотъемлемой частью разъясняемого решения и действует с ним в нормативном единстве [32]. Из данной правовой позиции вытекает необходимость опубликования разъясняющего Определения в тех же изданиях, в которых было опубликовано разъясняемое решение.

Определение, выносимое по итогам разъяснения решения Конституционного Суда Российской Федерации, подлежит направлению тем же органам и лицам, которым было направлено разъясняемое решение. Напротив, определение об отказе в принятии ходатайства о разъяснении решения Суда к рассмотрению не подлежит опубликованию и направляется, как правило, только соответствующему заявителю [33].

Однако разъяснение решения не должно изменять его суть. Решения Конституционного Суда Российской Федерации окончательны и обжалованию не подлежат [34]. Официальное разъяснение Конституционным Судом Российской Федерации вынесенного им решения дается только в рамках предмета этого решения и лишь по тем требующим дополнительного истолкования вопросам, которые были предметом рассмотрения в судебном заседании; ходатайство о разъяснении не может быть принято к рассмотрению, если поставленные в нем вопросы не требуют какого-либо дополнительного истолкования решения или же предполагают необходимость формулирования новых правовых позиций. В случае обнаружения факта подобного злоупотребления заявителем своим субъективным правом Конституционный Суд Российской Федерации отказывает в принятии к рассмотрению подобного ходатайства [35].

Еще один вариант злоупотребления правом схож с вышеописанным, только речь идет о возможности для Конституционного Суда Российской Федерации после провозглашения решения исправить допущенные в нем неточности в наименованиях, обозначениях, описки и явные редакционные и технические погрешности, о чем выносится определение [36]. Гипотетическая возможность широкого толкования терминов «явные редакционные и технические погрешности» не дает покоя отдельным заявителям, не согласным с решением Конституционного Суда Российской Федерации.

До направления копий решения Конституционного Суда Российской Федерации (как провозглашенного, так и принятого без проведения слушания) судьям Конституционного Суда Российской Федерации, сторонам, органам и иным лицам [37], а также для опубликования во избежание возможных неточностей в наименованиях, обозначениях, описок и других редакционных и технических погрешностей осуществляется дополнительная проверка фактических данных, изложенных в решении, ссылок на нормативные правовые акты, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и постановления Европейского суда по правам человека, производится вычитка текста корректором.

Определение об исправлении неточностей в решении Конституционного Суда Российской Федерации принимается в тех случаях, когда решение уже опубликовано в одном из официальных изданий органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, которых оно касается.

Исправление неточностей, допущенных в решении Конституционного Суда Российской Федерации, принятом в ходе осуществления конституционного судопроизводства, производится в заседании Суда по инициативе любого из его судей, а также по заявлению сторон, их представителей, должностных и других лиц, которым направлялось соответствующее решение Конституционного Суда Российской Федерации [38].

Однако попытки изменить смысл решения, злоупотребив правом подобным образом, также обречены на провал. Механизм противодействия тот же – отказать в принятии к рассмотрению ходатайства гражданина об исправлении неточностей в решении Конституционного Суда Российской Федерации [39].

При внесении исправлений не подлежат корректировке выраженные в решении правовые позиции, аргументация, приведенная в их обоснование, выводы, к которым пришел Конституционный Суд Российской Федерации в процессе принятия данного решения.

Копия определения об исправлении неточностей в решении Конституционного Суда Российской Федерации направляется органам и лицам, которым направлялось это решение, а также в печатные издания, в которых оно было опубликовано [40].

Вышеуказанные ситуации являются наиболее частыми примерами злоупотребления правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с точки зрения классической юриспруденции. Однако, если принять во внимание факт отсутствия правонарушения, как следствие – отсутствия санкции за подобное злоупотребление, возникает логичный вопрос о целесообразности введения подобной категории как таковой. Управомоченные субъекты используют весь спектр предоставленных им возможностей, не нарушая конкретных норм закона. Как было рассмотрено ранее, на любой вариант вызова предусмотрен соответствующий правовой механизм ответа – «правовой барьер», призванный не допустить это самое «злоупотребление», неразрывно связанное с попыткой причинения вреда любого характера.

Однако, как мы видим из представленных примеров наиболее характерных попыток, то, что указывается в качестве злоупотребления правом на обращение с заявлением в Конституционный Суд Российской Федерации, на практике не образует противоправности. А если в действиях управомоченного лица (пусть даже и несущих определенный вред) не содержится противоправности, то возможно сделать вывод о наличии в данном случае узаконенной возможности этот вред нанести (либо попытаться). В качестве объекта причинения вреда во всех вышеописанных случаях выступают общественные правоотношения по осуществлению конституционного контроля, конституционного правосудия.

Конституционный Суд Российской Федерации обладает полным комплексом полномочий, позволяющим уверенно не допускать нарушение охраняемых законом интересов, выражающееся в неверном исполнении собственных функций. Сама юридическая конструкция института Конституционного Суда Российской Федерации была изначально предусмотрена таким образом, чтобы быть в состоянии организовать осуществление своих полномочий надлежащим образом, с учетом всех указанных возможных «злоупотреблений». Здесь возникает вполне логичный вопрос: если все варианты подобного развития событий были изначально предусмотрены, механизмы даже не противодействия (что подтверждается отсутствием санкции), а направления в верное русло разработаны, возможный вред оценен, что подразумевается под понятием «злоупотребление»? Ведь с фактом существования этого зла сам законодатель соглашается и дает в руки уполномоченному органу (в данном случае Конституционному Суду Российской Федерации) механизмы для его фактической минимизации.

Вывод напрашивается сам собой: «злоупотребление» – неюридическая категория, никак не относящаяся к сфере должностования. Это субъективное, эмоциональное отношение людей к отдельным правовым поступкам управомоченных субъектов, идущим вразрез с представлениями о нормах морали. Мораль – опять-таки категория неюридическая. Таким образом, в рамках юридического анализа есть смысл говорить не о проблемах злоупотребления правом на судебную защиту при обращении в Конституционный Суд Российской Федерации, оставив подобную тему для изучения психологам, социологам, политикам – кому угодно, только не юристам, – а о проблемах и путях совершенствования механизма обращения в Конституционный Суд Российской Федерации как такового. Однако, как было проиллюстрировано выше, существенного недостатка в правовых средствах реализации своих основных функций Конституционный Суд Российской Федерации не испытывает, права граждан при осуществлении им своей деятельности в этом аспекте не нарушаются. Без-

условно, предела совершенству нет, и можно модернизировать сложившийся порядок бесконечно, но стоит ли? Равно как стоит ли юристам искать и оценивать моральную категорию «злоупотребление», если действия, под нее подпадающие, происходят в строгом соответствии с действующим законодательством? Вывод также очевиден. В данном случае постулат практически примененного нормативизма полностью совпадает с древним римским изречением: «Злоупотребление не исключает правильного употребления» (*Abusus non tollit usum*).

Библиографический список

1. См. ст. 19 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3. Относительно вступления в силу см. также: Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.

2. См.: *Дурново Н.А.* Злоупотребление правом как особый вид правового поведения: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд.юрид. наук: 12.00.01 / Н.Новгород: НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006. – С. 10.

3. См.: *Малиновский А.А.* Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Малиновский Алексей Александрович [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. – М.: МГИМО, 2008. – С. 10.

4. См. ч. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации // <http://www.pravo.gov.ru>.

5. См. ст. 68 Федерального конституционного закона от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // <http://www.pravo.gov.ru>.

6. См. ст. 51 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // <http://www.pravo.gov.ru>.

7. См.: *Субботина Е.В.* Характеристика шиканы как формы злоупотребления правом // Юрист. – 2013. – № 5. – С. 37 – 40.

8. См.: *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. – М., 1998. – С. 119.

9. См.: *Яценко Т.С.* Категория шиканы в гражданском праве: история и современность. – М., 2003. – С. 86-103.

10. См. ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // <http://www.pravo.gov.ru>.

11. См. ч. 1 ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации // <http://www.pravo.gov.ru>.

12. См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Главы 1 – 10. Постатейный научно-практический комментарий / *Р.Ч. Бондарчук, А.Б. Вержбицкий, В.А. Виноградов и др.*; под общ.ред. *Б.В. Россинского*. – М.: Библиотечка «Российской газеты», 2014. – Вып. VII-VIII. – 800 с. // СПС КонсультантПлюс. – С. 122.

13. См.: *Одегнал Е.А.* Злоупотребление правом как явление правовой действительности: автореф. дис. ...канд.юрид. наук: 12.00.01 / Одегнал Екатерина Александровна; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. – Старополь, 2009. – С. 7.

14. См. ст. 33, ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993); ч. 1, 3 ст. 1 Федерального закона от 02.05.2006

№ 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // <http://www.pravo.gov.ru>.

15. См.ст. 40 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»// <http://www.pravo.gov.ru>.

16. См. ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»// <http://www.pravo.gov.ru>.

17. См. там же, ч.3 ст. 11.

18. См. там же, ч.5 ст. 11.

19. См. там же, ч.1 ст. 11.

20. См. ст. 40 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»// <http://www.pravo.gov.ru>.

20. См. там же.

21. См. п. 1 ч. 1 ст. 43 там же.

22. См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2011 № 170-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Керекеша Александра Ливоновича на нарушение его конституционных прав рядом положений Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

23. См. ч. 4 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»// <http://www.pravo.gov.ru>.

24. См., напр.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2015 № 1777-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соснина Сергея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 12.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»// СПС КонсультантПлюс.

25. См. п. 2 ч. 1 ст. 43 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»// <http://www.pravo.gov.ru>.

26. См. ст. 83 там же; например: Определение Конституционного Суда РФ от 09.11.2004 № 320-О «По ходатайству Федеральной таможенной службы об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 марта 2004 года по делу о проверке конституционности части второй статьи 6 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»// Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 2.

27. См., например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.02.2001 № 15-О «По ходатайству Председателя Правительства Республики Карелия о разъяснении Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 года по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации и от 11 апреля 2000 года по делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»// Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 4.

28. См., например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05.07.2000 № 150-О «По ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Рос-

сийской Федерации от 20 апреля 1999 года по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и советского районного суда города Нижний Новгород» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2000. – № 6.

29. См., например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.03.2003 № 49-О «По ходатайству Верховного Суда Российской Федерации об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2002 года по делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), Федеральных законов от 12 февраля 2001 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», от 19 июня 2000 года «О минимальном размере оплаты труда» и от 7 августа 2000 года «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 3.

30. См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.06.2003 № 204-О «Об отказе в удовлетворении ходатайств об официальном разъяснении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июля 2002 года по делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс.

31. См. ч.3 ст. 43 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // <http://www.pravo.gov.ru>.

32. См., например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11.11.2008 № 556-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 6.

33. См.: Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю.А. Андреева, В.В. Балытников, Н.С. Бондарь и др.; под ред. Г.А. Гаджиева. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – 672 с. // СПС КонсультантПлюс. – С. 197-199.

34. См. ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // <http://www.pravo.gov.ru>; например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.01.2005 № 47-О «Об отказе в рассмотрении ходатайства гражданина Помельникова Александра Васильевича о разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2004 г. № 109-О» // СПС КонсультантПлюс.

35. См., например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2015 № 1665-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданина Косцова Александра Викторовича о разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 года № 1013-О» // СПС КонсультантПлюс.

36. См. ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»// <http://www.pravo.gov.ru>.

37. См. там же. Ст. 77.

38. См. п.1 § 60 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.

39. См., например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.2015 № 1143-О «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданина Костыри Алексея Алексеевича об исправлении неточностей в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 года № 300-О» // СПС КонсультантПлюс.

40. См.: Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю.А. Андреева, В.В. Балытников, Н.С. Бондарь и др.; под ред. Г.А. Гаджиева. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – 672 с. // СПС КонсультантПлюс. – С. 196-197.

А.А.Романов*

ЭТНИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ: РЕСУРСЫ ЭТНИЧНОСТИ В ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: современный мир характеризуется процессом этнизации различных сфер общества. Знак и модальность этнизации могут варьироваться в большом диапазоне от абсолютизации этничности до этнического нигилизма. В правовой жизни этнический фактор продолжает стремительно усиливаться, государственная правовая политика стремительно наполняется этническими параметрами. Между тем в науке нет однозначного понимания сущности и содержания факторов, порождающих столь неоднозначное явление. В статье приводится научный обобщенный анализ этнизации правовой политики, что может служить основой для понимания не только основных факторов, ее порождающих, но и выработки необходимых объяснений с точки зрения гносеологии исследуемой проблемы, изучения и обобщения правоприменительной практики в сфере этничности.

Ключевые слова: этническая правовая политика, правовая политика, право, политика, этничность.

ETNIZATION OF LEGAL POLICY: ETHNICITY RESOURCES IN LEGAL POLICY OF THE STATE

Summary. The modern world is characterized by process of an ethnization of various spheres of society. The sign and a modality of an ethnization can vary in the big range from absolutization of ethnicity to ethnic nihilism. In legal life the ethnic factor proceeds to amplify promptly, the state legal policy is promptly filled with ethnic parameters. Meanwhile in science there is no unambiguous understanding of essence and the maintenance of the factors generating so ambiguous phenomenon. The scientific generalized analysis of an ethnization of legal policy is provided in article that can form a basis for understanding not only the major factors generating her, but also developments of necessary explanations from the point of view of gnoseology of the studied problem, studying and syntheses of law-enforcement practice in the sphere of ethnicity.

Keywords: ethnic legal policy, legal policy, law, policy, ethnicity.

На определенном этапе современного глобального изменения исторического ландшафта наблюдается лавинообразный процесс «**этнизации**» правового и политического кластеров. Обусловленные экономическими, политическими, конструктивными соображениями рациональности, этнизируются различные социальные секторы общества, вектор реконструкции государственной правовой политики все

* *Романов Александр Александрович* – докторант кафедры теории государства и права юридического факультета им. М.М. Сперанского Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат политических наук.

больше наполняется этническими параметрами. **Этнический фактор** в правовой жизни общества стремительно усиливается, что в науке принято называть этнизацией правовой политики. Этнизация означает, что люди «начинают осмыслять мир в этнических категориях: не в правовых, не в социальных, не в политических, не в культурных, а именно в этнических», – пишет В. Соловей [1]. В результате различные по своей природе и содержанию ресурсы общества не просто суммируются, но и непосредственно и опосредованно усиливают друг друга. Этничность и социальные конструкции все более отождествляются, создавая подлинное бинарное оружие несравненной мощи.

В изучении феномена этнизации Т. Соловей и В. Соловей пришли к выводу, что **этнизация** – это интенсивный процесс видоизменения ценностного и культурного содержания элитарного и массового сознания в направлении, когда мир начинает рассматриваться преимущественно этническими категориями, а социальная действительность – конструироваться по этническим лекалам. Анализируя события начала XX в., этнизация имперской политики рассматривается как средство укрепления империи «обрусением» государства, как «решающее условие преодоления драматического отчуждения между русским народом и имперским государством» [2].

Российский ученый Э.А. Паин видит в этнизации **неспособность государства** исполнять свои прямые функции». Этнизация социально-экономических и политических проблем, которая активно используется государством, материализуется комбинированным переводом ответственности, растущего недовольства на врагов «внутренних» и «внешних» [3]. Бывшая дотолем одной из гипотетически простейшей формой защиты и возможностей психологической компенсации в условиях процессов глобализации, этнизация правовой политики становится реальностью в ситуации слабости регуляторов государства и неэффективности общественных правовых норм. Государство, будучи инициатором этнизации, включает этнизированную правовую политику в официальную жизнь и, поддерживая само себя, под эвфемизмом провоцирует всплеск этничности как государственной квазиидеологии [4, с. 124]. Лояльные и солидарные граждане готовы на самопожертвование во имя нации-государства, общегосударственной мощи.

М. Хоркхаймер и Т. Адорно в одной из своих статей заметили, что «индивиды получают свои политические платформы уже готовыми от властей» [5, с. 253]. Здесь на руку играет удивительная пластичность этничности, ее способность амальгамировать с любыми ценностями, ассимилировать на идеологическом фундаменте любые доктрины.

Известный западный ученый Славой Жижек видит в этнизации феномен постмодерна и результат «ложной либерализации», когда в повседневной жизни под призмой этничности на ментальном уровне будто бы дается освобождение от тотального государственного контроля, ограничений, регулирования постсовременного общества [6]. В вопросе о роли пацифизма и мультикультурализма в контексте конфликтов в бывшей Югославии, он утверждает, что 1) этнический подход к социальным конфликтам ложен; 2) этнизация не имеет ничего общего с возвратом к старым традициям; 3) в основании актуализации национальных культурных традиций лежит **борьба политических сил**.

Ряд исследователей считают, что этнизация – это, прежде всего, доминирование этничности в индустриальном обществе в **результате распада традиционной общины**, повлекшего за собой чувство отчуждения. Такая дефиниция, исходя из

собственных исследовательских задач и методологических предпосылок авторов, отражает критерий способов преодоления отчуждения, образуемых за счет интегративного применения этнических норм, нежели правовых. В правоприменительной практике этнизация подразумевает набор взаимосвязанных стратегий коллективных действий в русле соответствующих когнитивных и ценностных установок юридической доктрины, направленных на реконструирование этнической политики в условиях нестабильности федеральных систем [7]. В моноэтнических государствах этнизация правовой политики при данном моделировании не учитывалась, между тем бытие действительности наших дней все более зримо демонстрирует этнизацию правовой политики и в моноэтническом, и в полиэтническом государстве, что составляет ментальный фон переживаемой нами эпохи глобализации. Знак и модальность этнизации могут варьироваться в большом диапазоне от абсолютизации этничности до этнического нигилизма, неприязни и агрессивной враждебности ко всему «иному».

Наблюдаемое соотношение «этнополитического» и «правового», кристаллизирующееся вокруг узловой доминанты «этнизации правовой политики», образует разноплановые проекции общей картины дифференциации общественных отношений. На пересечениях этнополитологического и правового пластов общественознания, за счет расширения набора понятийного аппарата, возникает новая юридическая эвристика, которая открывает путь к пониманию резкого нарастания этнических компонентов правовой политики, осуществляющихся многими участниками правовых отношений. Анализ состояния юридической науки и ее дальнейшее развитие, степень влияния на ход исторических процессов открывают новые возможности стратегии развития как юриспруденции, так и государства и его институтов в разработке их концептуальных основ и выявлении сущности и содержания феномена «этнизации правовой политики».

В нашем понимании «этнизация правовой политики» представляет собой процесс изменения системы взаимоотношений этнического, правового и политического, который характеризуется экспоненциальным ростом этнических параметров в правовой политике, отражающих правовой статус индивида и регулятивное состояние государства в неразрывном единстве. Это своеобразный синтез фундаментальных начал общества, сложение сложноструктурных систем на каркасе системообразующих векторов соответственно правового и этнополитического. Иными словами, селекция этничности и политики на правовую матрицу представляет собой процесс и результат повышения роли этнических начал в правовой политике и выступает (или претендует) как объект, ресурс и инструмент государственной власти.

Современная политика, ее возникновение, функционирование, целеполагание имеют организованный характер и наиболее отчетливо проявляются в правовом пространстве. В сфере политических отношений четко прослеживается усиление регулятивной роли права, детальное правовое регламентирование политики во всех ее проявлениях.

Практически никогда **государство не абстрагируется от этничности**, а нередко оно прямо вдохновляется этническими соображениями. Видимо, уместен вывод американского ученого С. Энлоу, что государство, высшие государственные властные элиты используют на практике этническое деление общества, при этом публично порицая такую практику. Запад, как пишет С.Г. Кара-Мурза, захватывая коло-

нии или полукolonии, везде стремился навязать этнонационализм, например, трайбализм, систему враждующих племен, чтобы поддерживать власть колонизаторов, безальтернативно регулирующих племенной раздор [8].

Очевидно, что, **во-первых**, этничность придает качественную определенность самому государству и его институтам. Исторически сложившиеся правовые обычаи и нормы создают известные рамки, которые предопределяют цели, направления и методы правовой политики государства. Этнизированная правовая политика, как форма политико-правового бытия, направляется на установление этнической однородности государства.

Во-вторых, государство, иные субъекты правоотношений по необходимости должны учитывать этнический состав населения и связанные с этим интересы различных социальных групп. Сохранение, культивирование и развитие этничности, поощрение этнической правовой культуры, стереотипов и т.д. все в большей мере определяют содержание правовой политики, нередко отодвигая на второй план экономические, классовые и др. вопросы. Наблюдаемая в теории компрадорская власть, конечно, чужда и даже враждебна народным интересам, но и в этом случае речь идет не о «деэтнизации правовой политики», наоборот – о негативистской этнизации. В своем максималистском проявлении этнизация правовой политики означает подчинение государства и правовых отношений абсолютизированной этничности, в частности, в документах органов государственной власти, программах политических партий, нормативно-правовом регулировании правоотношений, направленных на *удовлетворение правовых потребностей* одной этнической общности за счет общественных благ.

Как основной институт общества государство, несомненно, выступает в качестве главного субъекта. Этнизация правовой политики находит свое выражение в законодательстве и в повседневной деятельности органов и представителей государственной власти, устанавливающих правовой порядок. Так, обязательная маркировка товаров на этническом государственном языке обусловлена не заботой об этничности, а государственно-властным требованием. Другим примером может служить закон Великобритании, согласно которому при натурализации иммигрант обязан сдавать экзамен на знание английского языка. Такое интегративное воззрение базируется на том, что этнический язык является одним из основных этнодифференцирующих признаков этничности. Еще одним примером этнизированной правовой политики является государственная программа Российской Федерации по репатриации соотечественников [9], где этнический состав – этнические русские, русскоязычные репатрианты, близкие к русской культуре.

Наличие у государства имманентно присущего ему суверенитета, властно-волевого начала отражается в содержании разнообразных волевых правовых актов. Востребованность определенного уровня этнизации правовой политики диктуется временем, соображением конъюнктуры и рядом социальных закономерностей. Принятый Бундестагом закон, поощрявший возвращение турецких иммигрантов на родину, был обусловлен тем, что в свое время немцы впустили в страну слишком много трудовых и этноиммигрантов, а попытки обеспечить их дисперсное расселение так и не удалось [10, с. 73].

С доминирующей в теории этнократии позицией этнизации правовой политики **государство усиливает политику государственного патриотизма**, последовательное формирование и легализацию новой респектабельной номенклатурной бюрократии, специального аппарата управления и принуждения. Речь идет о склады-

вании моноэтнической политической власти – этнократии*, выросшей благодаря политике этнизации властно-распорядительного аппарата с реализацией принципов этновласти – власти, абсолютизирующей в полиэтническом государстве интересы одной этнонации или этнической группы. Идеологический правовой конструкт этнократизма основывается на всеобъемлющем суверенитете данной этнонации, на признании факта, что только она является источником верховной власти и государствообразующим сувереном. В результате механизмы осуществления государственной власти и функционирования властных институтов оказываются вовлеченными в процессы этнизации правовой политики. Бывший омбудсмен РФ В. Лукин в представленном докладе, посвященном правам человека, отметил, что правоохранительные органы порою неадекватно относятся к выходкам ксенофобии, стараясь иногда спихнуть это на отдельные проявления хулиганства [11]. В большинстве случаев убийства, совершенные на этнической почве, квалифицируются как хулиганство или бытовые ссоры, при этом иногда получается полный конфуз.

Этнизированной правовой политикой оказываются охвачены не только представители высшей государственной власти, но и среднего и нижнего звена органов государственной власти, государственное телевидение и другие аффилированные с государством средства электронной и печатной продукции, массовой информации. Динамика этнизации правовой политики различная, но ее ход объективно ориентирован не на правовой компромисс, а на расширение конфликтности.

Этнизированной правовой политикой создается своеобразный канал дренажа растущего социального недовольства, правда, наиболее примитивный, с точки зрения правовой практики, и опасный, с точки зрения общественного порядка и общежития.

Если политизация этничности стремится делигитимировать существующий строй полиэтнического государства, обосновать необходимость его переустройства или распада в интересах собственной суверенной этничности, то этнизация правовой политики есть своеобразная форма легитимации политического режима.

В тоже время этнизированная правовая политика ведет к расслоению полиэтничного общества. Как отмечается в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда общественных объединений, способствуют усилению национализма, этносепаратизма и политического экстремизма, создают условия для возникновения межэтнических конфликтов.

При разработке этнической правовой политики могут быть полезны правила, сформулированные Дж. Ротшильдом: учет этничности и политизация этничности в международных правоотношениях; комплектование органов государственной власти с учетом представительства этнических общностей; исключение иноэтничности как дренажа социального недовольства; право этнических групп на самоуправление; распределение через этнические группы ресурсов; вовлеченность этнических групп в общенациональные политические партии; союз элиты в центре с элитами кризис-

* Сущность и содержание этнократии трактуется как: 1) власть, господство элиты какой-либо этнонации над другими; 2) моноэтническая политическая власть, цель которой — создание этнически «чистых» территорий как «наилучшего» способа движения народов к «демократии»; 3) доминирование коллективных интересов и прав этнонации над интересами и правами личности. В работе Тощенко этнократия определяется как форма политической власти, при которой осуществляется управление экономическими, политическими, социальными и духовными процессами с позиций примата национальных интересов доминирующей этнической группы в ущерб представителям других наций, народностей и национальностей.

ных этнических групп. С вышеизложенным можно спорить или же полностью опровергнуть, но как пишет О. Бельков, модель конкретной практики, а следовательно, и один из вероятных векторов развития начала третьего тысячелетия они уже вполне обозначают [13, с. 209].

Регуляцию глубоко амбивалентных общественных отношений и эмансипацию государственности тезисно можно представить следующим образом: для валоризации государства, как теоретического норматива, прилагается усилие субъекта функционированием юридического права, властных институтов и опиранием на этнические ресурсы. Однако, коэффициент корреляции между всеобъемлющим контролем публичной правовой политики с одной стороны, и общественным психическим модусом и устойчивостью социально-правовых конструкций с другой стороны, остается низким. Свое утверждение государство усиливает через разделяемое всеми чувство эмоциональной солидарности, неограниченным ресурсом чего является этничность. Как самая действенная метафора консолидации и лояльности граждан, активизируется этнический пласт сознания, реабилитируется и активно ангажируется этничность как последний бастион государства. Государство, органы государственной власти активно выступают в роли этнонационального пропагандиста, развертывают массовое сознание в сторону этничности, инициируют этнизацию правовой политики и как мощное орудие в реализации политических интересов используют для решения поставленных целей и задач.

Аналогичный линейный процесс наглядно демонстрируется в современных относительно моноэтнических государствах, которые передали часть своего государственного суверенитета наднациональным органам. Немного иначе обстоит дело в полиэтнических государствах: с одной стороны, наблюдается незатухающее давление коммунитарного (наднационального) уровня, с другой стороны, подпирает снизу уровень субстанционарный, который в контексте политизации и огосударствления этничности представляет для нас особый интерес.

Таким образом, государственный аппарат управления является первичным и главным носителем этнизации правовой политики, концентрированием этнизации на уровне государственной правовой политики, и лишь затем привнесением в массовое сознание разнородных социальных групп по каналам СМИ.

Вторичными носителями этнизации правовой политики выступают созданные и вновь создающиеся многочисленные партии, общественные организации, ассоциации, движения, землячества, конгрессы, съезды народов, общин, форумы и иные этноориентированные движения и объединения. Порою своими аналитическими подразделениями, хозяйственными модулями, иногда службами безопасности, социальным пакетом, пиар-службами, собственными СМИ, сайтами, интенсивными внутренними коммуникациями и т.д. они заимствуют из арсенала государства псевдоидеологию реваншизма, имплантируют в свою идеологию и правовую практику этнонационалистические положения об этнической исключительности, подчинив практическую правовую политику интересам этничности. В программных документах и публичных выступлениях манифестируются правовые основы «спасения и возрождения народа», изучение этнического языка, воспевания этнической истории и героев, хронологические поиски «золотого века» и географические открытия этноареала. Ежедневные партийные газеты, СМИ каждый день непрерывно и все более последовательно пропагандируют этническую музыку, «наши» фильмы, музеи этнических героев, бойкот чужих товаров и т.д.

Этнизация правовой политики внедряется в массовое сознание и правовое поведение регулярными пикетами, митингами и другими массовыми акциями, при активной или пассивной протекции государства. На личностном уровне вовлеченность не зависит от социального положения или его изменения и обнаруживается как у людей, понизивших свое социальное положение [14; 15], так и у «благополучных» граждан. Вовлеченность в процесс, иногда чисто инстинктивно, политически неактивных масс – фермеров и представителей среднего бизнеса, рыбаков, охотников и рабочих заводов, юристов мелких городов и деревенских учителей, продавцов крупных гипермаркетов и людей фронта и т.д., возрастает при увеличении разрыва между притязаниями личности и возможностями их удовлетворения, ухудшением жизненных условий.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что этнизация правовой политики является результатом объемного отображения всей совокупности разнонаправленных линий волеобразования и отношений, практической деятельности субъектов общественной жизни в сфере правового регулирования.

Хронологически научная интерпретация фундаментальных понятий «право», «политика» часто неразрывно сопутствуют друг другу, а иногда разветвлены в тесных коридорах рационального редукционизма. Такая двучленная парадигма, стиснутая тесными рамками линейного детерминизма, предпринимается как с диахронной, так и с синхронной точек зрения. В частности, оба концепта иногда берутся как имманенты глубоко амбивалентного развития государства и разнонаправленных состояний институтов общества.

Этнизация правовой политики в некотором смысле сопоставима с политизацией этничности. Будучи актуализированными процессами глобализации и этнофрагментации, они являются двумя сторонами одного явления. Нередко эти процессы идут с обеих сторон, навстречу друг другу. Эмпирически они тесно связанные, но теоретически разнородные онтологические явления: политизация этничности своего рода «идет снизу», а этнизация правовой политики – «сверху». С такой постановкой солидарен и Кристиан Шерер (Scherer Christian). Ученый доказывает, что следует отличать этнизацию сверху как часть государственной стратегии поддержания господства доминирующих этнических общностей и этнизацию политики снизу, которая определяет себя как политическое, правовое, социальное или этнокультурное движение [16, с. 154].

Разумеется, долгосрочная правовая политика должна строиться не на конъюнктурных скоротечных успехах, а на фундаментальных ценностях. Соответственно, правовое регулирование этнических правовых отношений должно носить динамичный, комплексный и многообразный характер на основе абсолютного приоритета интеграции, а не на насильственной ассимиляции.

Анализ отечественного и зарубежного научного видения этничности дает основание утверждать, что две ее тенденции порождают долговременную динамику, и в обозримой перспективе нам предстоит сосуществовать с феноменом этнизации правовой политики в ее самых разнообразных амбивалентных демонстрациях, что требует разработки и внедрения в правовую практику новых механизмов и инструментариев.

Библиографический список

1. Соловей В. Русские сами боятся своей этничности // Московские новости, 2006, 6 октября.

2. Соловей Т., Соловей В. Апология русского национализма. Невозможно строить демократическое государство и нацию без национализма // Журнал Политический класс. – 2006. – № 23.
3. Паин Э.А. От «вертикали власти» – к «вертикали народов»? // Независимая газета, 2005, 15 марта.
4. Бызов Л. Российское общество в поисках неоконсервативного синтеза. // Восточноевропейские исследования. Международный журнал по социальным и гуманитарным наукам. – 2005. – № 2. – 190 с.
5. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. Пер. с нем. М. Кузнецова. – М., СПб.: Медиум. Ювента, 1997. – 312 с.
6. Славой Жижек. Западный пацифизм // Русский Журнал. Ежедневное сетевое издание. – 2001. – 13 Марта.
7. Симонян Л.Ю. Этнизация политики в посткоммунистическом мире: диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02. – Ставрополь, 2005. – 172 с.
8. Кара-Мурза С. Демонтаж народа: учебник межнациональных отношений. – М.: Алгоритм, 2015. – 702 с.
9. Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // www.pravo.ru
10. Максимычев И. Новый национальный вопрос Германии // Современная Европа (Институт Европы РАН). – 2004. – № 2. – С. 69-77.
11. Белашева И. Меня все игнорируют. Владимир Лукин просит наказывать чиновников за формальное отношение к его жалобам // Время новостей, 2006, 24 апреля.
12. Вести // <http://www.rambler.ru/news/events/crime/8703898.html> // 16.09.2006
13. Бельков О. Национальное и национализм / Безопасность Евразии. – 2005. – № 4. – С. 151-211.
14. Taylor L. Britain Now // Illustrated London News, October, 1987. – P. 54-58.
15. Bendix R., Lipset S. (ed.) Class, Status and Power. Free Press, 1953, P. 117-120.
16. Scherer Ch. Ethno-Nationalismus im Zeitalter der Globalisierung. Ursachen, Strukturmerkmale und Dynamik ethnisch-nationaler Gewaltkonflikte. – Münster, 1997. S. 154. – 206 p.

[Http://www.gblplaw.ru/about/blr/](http://www.gblplaw.ru/about/blr/)

The Russian practice of Berwin Leighton Paisner (BLP), an award-winning international law firm

О ФИРМЕ

Goltsblat BLP – российская практика **Berwin Leighton Paisner (BLP)**, ведущая международная юридическая фирма, штаб-квартира которой находится в Лондоне и офисы – в крупнейших коммерческих и финансовых центрах мира: **Москве, Абу-Даби, Берлине, Брюсселе, Дубае, Гонконге, Париже, Пекине, Сингапуре, Тель-Авиве, Франкфурте и Янгоне.**

В московском офисе Goltsblat BLP – 100 юристов, квалифицированных по российскому и английскому праву, общее количество юристов в международных офисах BLP – более 800. Сложившаяся команда российских юристов, зарекомендовавших себя как ведущих экспертов в российском праве, обладают уникальным для российского рынка практическим опытом юридического сопровождения инвестиционных проектов в России – более 20 лет.

На сегодняшний день Goltsblat BLP является одной из ведущих международных юридических фирм, российской практикой глобальной фирмы, оказывающей правовую поддержку по крупным комплексным сделкам и проектам, как международным корпорациям, так и российским компаниям. Нашей ключевой специализацией является сопровождение сделок и разрешение судебных споров. При этом при реализации комплексных проектов мы используем возможности и ресурсы нашей многофункциональной команды, чтобы обеспечить всестороннюю юридическую поддержку по всем необходимым аспектам и наиболее эффективным образом отвечать потребностям каждого клиента и каждого конкретного проекта, что, безусловно, является нашим преимуществом по сравнению с другими юридическими фирмами.

Основными областями специализации фирмы являются:

- Корпоративная практика/слияния и поглощения
- Банковская и финансовая практика
- Недвижимость и строительство
- Практика по разрешению споров
- Налоговая практика
- Таможенное право и внешняя торговля
- Коммерческая практика
- Нормативно-правовое соответствие (compliance)
- Уголовно-правовая защита бизнеса
- Антимонопольная практика
- Практика трудового права
- Практика по интеллектуальной собственности

- ГЧП/инфраструктурные проекты
- Несостоятельность и банкротство

Согласно ведущим международным рейтингам, таким как The Legal 500, Chambers & Partners, IFLR1000, Best Lawyers и Pravo.ru в течение последних нескольких лет Goltsblat BLP занимает лидирующие позиции и входит в число особо рекомендованных (“top-ranked”/ “recommended”).

Клиентами Goltsblat BLP являются более 1300 компаний, включая крупных международных инвесторов, работающих на российском рынке (75 из них входят в рейтинг Fortune 500), российские и международные банки и финансовые организации, российские компании – лидеры в своих отраслях.

В начале 1990-х годов юристы фирмы были одними из первых специалистов, оказывавших юридическую поддержку крупным западным инвесторам, начинавшим в то время выходить на российский рынок. Накопленный за эти годы опыт, глубокие знания российской правовой системы, социальных, экономических и политических процессов в России, а также знание сложившейся российской практики ведения бизнеса и менталитета западных инвесторов, позволяют нам хорошо понимать ожидания иностранных инвесторов и помогать им эффективно решать любые юридические вопросы, связанные с ведением бизнеса в России.

Кроме того, на сегодняшний день среди клиентов фирмы большое количество российских компаний, работающих как в России, так и осуществляющих инвестиционные проекты за рубежом.

Goltsblat BLP является обладателем 25 национальных и международных наград за последние пять лет, включая:

- Лучшая Юридическая Фирма в России – Chambers Europe Awards 2015 и номинант 2016 года, а также победитель Finance Monthly Law Awards 2011 и ILO Client Choice Awards 2010 в этой номинации;
- Международная Юридическая Фирма Года – The Lawyer European Awards 2014 и номинант 2015 года, Legal Business Awards 2010 / Legal 500 и номинант 2015 года;
- Юридическая Фирма Года – Лучший Клиентский Сервис – Chambers Europe Awards 2014 и 2010;
- 3 место в Топ-50 крупнейших юридических фирм России – рейтинг Коммерсант.ру 2015 и 2016;
- Топ-3 международных юридических фирм в России по размеру выручки и по выручке на юриста – рейтинг Право.ру 2015;
- Юридическая Фирма Года – Всесторонняя Юридическая Поддержка – Annual ACQ Country Awards 2011;
- Инновационный Подход к Развитию на Международных Рынках – Financial Times Innovative Lawyer Awards 2011, номинант.

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту и текст рукописи.

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgir.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 5-12 страниц.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4-5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2–8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ АККРЕДИТАЦИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3x4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается

степень бакалавра или **магистра**

(в зависимости от срока обучения)

и выдается **государственный диплом
о высшем образовании**

Срок обучения:

ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со **средним юридическим** и **высшим образованием** –
ускоренный курс обучения – 3 года

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

- 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
- 12.00.02 – конституционное право, конституционный судебный процесс;
муниципальное право
- 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

**199106, г. Санкт-Петербург,
ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08**

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

редактор **Н.Б. Чунакова**
перевод **А.В. Саматов**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgip.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: ООО «Издательство «Концепция»
Адрес издателя: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1.
E-mail: conception.rzn@gmail.com
Телефон: 8 (800) 250-73-02

Выход в свет 26.12.2016. Формат 61x86 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 11,64. Усл. п.л. 6,9. Тираж 500 экз. Заказ № 41.

Цена свободная

Отпечатано ООО «Издательство «Концепция».
Адрес типографии: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д.17, корп. 1.